

Историко-культурные основания идеологического противостояния концепций Большого Ирана и Великого Турана на Южном Кавказе

Полякова Анна Александровна

МГИМО МИД России

Факультет международных отношений, 1 курс магистратуры

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются историко-культурные основания идеологического противостояния концепций Большого Ирана и Великого Турана и их влияние на внешнюю политику Ирана и Турции на Южном Кавказе. В силу ограничений формата научной статьи исследование не претендует на полное освещение тысячелетней эволюции указанных концепций, а сосредотачивается на ключевых исторических вехах данного процесса. В исследовании, основанном на историческом, сетевом и сравнительном анализе, а также конструктивистских подходах, рассматриваются культурно-религиозные различия как факторы указанного противостояния и историческая динамика ирано-турецких войн. Особое внимание уделено инструментализации паниранизма и пантюркизма, а также стратегическому значению региона.

Ирано-турецкие войны как часть противостояния Ирана и Турции рассматриваются через сетевой анализ, где Южный Кавказ – ключевой узел с высокой центральностью и плотностью конфликтов. Локальные и глобальные коэффициенты кластеризации показывают взаимосвя-

занность зон боевых действий и наличие треугольной области соперничества.

Сравнительный анализ концепций Большого Ирана и Великого Турана выявляет различия в идеологических и стратегических подходах Ирана и Турции к региональному доминированию. Не являясь официальными стратегическими документами, концепции Большого Ирана и Великого Турана выступают идеологическим обоснованием внешнеполитических приоритетов Ирана и Турции на Южном Кавказе. Иран опирается на культурно-цивилизационное наследие, в то время как Турция реализует более политизированную стратегию, ориентированную на этническую общность. Противостояние также усиливается религиозными различиями и сталкивающимися экономическими интересами.

Результаты исследования показывают, что современное соперничество Ирана и Турции на Южном Кавказе продолжает исторические тренды и сохраняет свою актуальность для обоих государств с точки зрения идеологии, национальной безопасности и экономических интересов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Большой Иран, Великий Туран, Южный Кавказ, ирано-турецкое соперничество, паниранизм, пантюркизм.

Для связи с автором: polyakovaannaa@yandex.ru

ВЫПУСК №4(18) ОКТЯБРЬ-ДЕКАБРЬ 2024

Historical and Cultural Foundations of the Ideological Confrontation Between the Concepts of Greater Iran and Great Turan in the South Caucasus

Anna A. Polyakova

MGIMO University

School of International Relations, 1st Year Master's Programme

ABSTRACT

The article explores the historical and cultural foundations of the ideological rivalry between Greater Iran and Great Turan and their influence on Iran and Türkiye's foreign policies in the South Caucasus. Due to the limitations of a scholarly article's format, the study focuses on the key historical milestones of the millennial evolution of the given concepts rather than claims to provide a comprehensive coverage of the process in question. Based on historical, network, and comparative analysis alongside constructivist approaches, the study explores cultural and religious differences as factors in the confrontation considered and the historical dynamics of Iran-Türkiye wars. Special attention is given to the instrumentalization of Pan-Iranism and Pan-Turkism, as well as the region's strategic importance.

Iran-Türkiye wars as part of the rivalry between the two countries are analyzed through network analysis, with the South Caucasus as a central node, characterized by high centrality and density of conflicts. Local

and global clustering coefficients show the interconnectedness of conflict zones and a triangular area of competition.

A comparative analysis of the concepts of Greater Iran and Great Turan reveals differences in the ideological and strategic approaches of Iran and Türkiye to regional dominance. The concepts of Greater Iran and Great Turan do not resemble official strategic documents, yet they serve as the ideological reasoning behind Iran's and Türkiye's foreign policy priorities in the South Caucasus. Iran relies on cultural and civilizational heritage, while Türkiye pursues a more politicized strategy focused on ethnic unity. The confrontation is further intensified by religious differences and conflicting economic interests.

The findings emphasize that the contemporary rivalry between Iran and Türkiye in the South Caucasus continues historical trends and remains relevant for both states in terms of ideology, national security, and economic interests.

KEYWORDS

Greater Iran, Great Turan, South Caucasus, Iran-Türkiye rivalry, pan-Iranism, pan-Turkism.

Актуальность исследования связана с возросшей ролью идентичности и идеологии в международных отношениях и усилением интереса мировых и региональных держав (в т.ч. Ирана и Турции) к Южному Кавказу. Противостояние концепций Большого Ирана и Великого Турана влияет на внешнюю политику Тегерана и Анкары, особенно после распада СССР, когда национализм обострил региональные конфликты, например, армяно-азербайджанский. Для России, считающей Южный Кавказ зоной своего влияния, этот вопрос важен на фоне обострения отношений с Арменией и Азербайджаном и перераспределения ресурсов на украинское направление, поскольку Иран и Турция усиливают присутствие в регионе.

Цель исследования – выявить ключевые историко-культурные основания противостояния концепций Большого Ирана и Великого Турана на Южном Кавказе и привести примеры их выражения в истории и литературе.

Объект исследования – противостояние концепций Большого Ирана и Великого Турана в идеологическом и внешнеполитическом измерении стратегий Ирана и Турции на Южном Кавказе; предмет – историко-культурные факторы, обусловившие формирование и развитие данного противостояния.

Для реализации цели исследования были поставлены следующие задачи:

1) Рассмотреть идеологические основы концепций Большого Ирана и Великого Турана, выявить их ключевые сходства и различия;

2) Исследовать исторические вехи

соперничества между Ираном и Турцией в регионе Южного Кавказа по результатам анализа ключевых этапов ирано-турецких войн;

3) Выявить роль культурно-религиозных факторов в противостоянии Ирана и Турции на Южном Кавказе на примерах содержания поэмы Фирдоуси «Шахнаме» и сефевидской политики «шиитизации»;

4) Определить значение Южного Кавказа в рамках конфликта интересов Ирана и Турции по итогам проведения сетевого анализа военных конфликтов между странами.

Методы исследования: исторический, эмпирический, сетевой и сравнительный анализ, конструктивистские подходы.

Теоретической основой исследования является конструктивизм, а именно социальная теория международной политики А. Вендта^[1], рассматривающая безопасность как социальный конструкт, основанный на восприятии угроз^[2]. Это восприятие формируется через исторический и культурный опыт, в данном случае отраженный в идеологических концепциях Большого Ирана и Великого Турана, важных для внешней политики Ирана и Турции.

Тема исследования остается недостаточно изученной, несмотря на ее актуальность. Однако существует ряд работ, касающихся отдельных связанных с ней аспектов, в т.ч. концепций Большого Ирана и Великого Турана, а также ирано-турецких отношений и конкуренции за влияние на Южном Кавказе. Среди российских авторов стоит отметить следующих специалистов: по внешней политике,

[1] Wendt A. Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics / International Organization, Vol. 46, No. 2 (Spring, 1992), pp. 391-425 / The MIT Press // JSTOR archive. – 1992. – URL: <http://www.jstor.org/stable/2706858> (accessed on 18.10.2024).

[2] Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. 2014. №1 (14). С. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/myslit-konstruktivistiski-otkryvaya-mnogogolosyy-mir> (дата обращения: 18.10.2024).

идеологии и идентичности Турции – В.А. Аваткова^{[1][2]}, Ю.Ю. Мавашева^[3], И.И. Стародубцева^[4], И.Л. Фадееву^[5]; по вопросам внешней политики, идентичности и национализма в Иране – М.А. Алонцева^[6], О.И. Жигалину^[7], М.С. Каменеву^[8], Н.А. Кожанова^[9], Ю.Ю. Лямина^[10], В.И. Сажина^[11]; по ситуации на Южном Кавказе и взаимодействию в данном регионе различных акторов (в т. ч. Турции и Ирана) – А.М. Искандаряна^[12], С.М. Маркедонова^[13], С.Г. Мелконяна^[14]. Отдельно следует выделить коллек-

тивную монографию «Буря на Южном Кавказе» под редакцией Р.Н. Пухова^[15]. Изданная под его же редакцией в 2024 г. коллективная монография «Турецкий маршрут» затрагивает целый ряд приведенных вопросов^[16].

Среди иностранных авторов можно выделить работы Р. Зия-Эбрахими^[17], М. Зониса^[18] и Р. Фрая^[19], посвященные истории Ирана и вопросам иранской идентичности. Т. Атабаки рассматривает концепции Большого Ирана и Великого Турана^[20], Т. де Ваал

[1] Аватков В.А. Турция и Азербайджан: одна нация – одно государство? Мировая экономика и международные отношения, 2022, т. 66, № 2, сс. 90-100. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-2-90-100> (дата обращения: 09.03.2025).

[2] Аватков В.А., Касьяненко А.В. Военно-политические отношения на Южном Кавказе в контексте треугольника «Россия-Турция-Иран» // Мировая политика. 2021. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voenno-politicheskie-otnosheniya-na-yuzhnom-kavkaze-v-kontekste-treugolnika-rossiya-turtsiya-iran> (дата обращения: 19.10.2024).

[3] Мавашев Ю.Ю. «Новая Турция»: между Атаюрком и Эрдоганом. Монография (18+) / Кавказский геополитический клуб. – М.: Издатель А.В. Воробьев, 2024. – 308 с.

[4] Сатановский Е.Я. Турция между Россией и Западом. Мировая политика как она есть без толерантности и цензуры / Е.Я. Сатановский, И.И. Стародубцев. – М.: Эксмо, 2023. – 288 с.

[5] Фадеева И.Л. Турция: противостояние исламизации и секуляризма // Россия и мусульманский мир. 2010. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/turtsiya-protivostoyanie-islamizatsii-i-sekulyarizma> (дата обращения: 15.12.2024).

[6] Алонцев М.А. Иранистика в Евразии: прошлое, настоящее, будущее / М.А. Алонцев, К.Х. Идрисов, М.С. Каменева. – М.: РГГУ, 2018. – 140 с.

[7] Жигалина О.И. Этносоциальная эволюция иранского общества. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. – 264 с.

[8] Каменева М.С. О трансформации понятия «культура» в Исламской Республике Иран // Россия и мусульманский мир. 2015. №3 (273). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-transformatsii-ponyatiya-kultura-v-islamskoy-respublike-iran> (дата обращения: 18.10.2024).

[9] Кожанов Н.А. Исламская Республика Иран в поиске своего внешнеполитического «я»: революционное новаторство или преемственность? / Н.А. Кожанов, А.С. Богачева // Вестник МГИМО. 2020. №2 (71). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskaya-respublika-iran-v-poiske-svoego-vneshnepoliticheskogo-ya-revolutsionnoe-novatorstvo-ili-preemstvennost> (дата обращения: 18.10.2024).

[10] Лямин Ю.Ю. Персидский бастион / Под редакцией Ю.Ю. Лямина, Р.Н. Пухова. – М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2019. – 320 с.

[11] Сажин В.И. Иранский Азербайджан - история и политика // Журнал Международная жизнь – 2021. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/32232> (дата обращения: 30.07.2025).

[12] Буря на Кавказе / Д. Барри, Г.М. Дерлугьян, А.М. Искандарян, М. Казалет, А.В. Лавров, К.В. Макиенко, С.М. Маркедонов, Л.А. Нерсисян, Р.Н. Пухов, Д.В. Тренин, К. Хас, М.Ю. Шеповаленко; под ред. Р.Н. Пухова. – М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2021 – 128 с.

[13] Маркедонов С.М. Слом статус-кво и международное измерение кризиса в Нагорном Карабахе. Доклад международного дискуссионного клуба Валдай. М. 2020. ноябрь. 23 с. (в соавторстве с В. Каледжи и К. Хасом). URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/slom-status-kvo-karabakh/> (дата обращения: 18.10.2024).

[14] Вахланг Дж. Индия на Южном Кавказе: значение для России, Ирана и Турции / Дж. Вахланг, С.Г. Мелконян. – РСМД, 2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indiya-na-yuzhnom-kavkaze-znachenie-dlya-rossii-irana-i-turtsii/> (дата обращения: 02.01.2025)

[15] Буря на Кавказе / Д. Барри, Г.М. Дерлугьян, А.М. Искандарян, М. Казалет, А.В. Лавров, К.В. Макиенко, С.М. Маркедонов, Л.А. Нерсисян, Р.Н. Пухов, Д.В. Тренин, К. Хас, М.Ю. Шеповаленко; под ред. Р.Н. Пухова. – М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2021 – 128 с.

[16] Турецкий маршрут / Йешилташ М., Караташ Х., Каширин В.В. и др. / под ред. Р.Н. Пухова. – М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2024. – 220 с.

[17] Zia-Ebrahimi, R. The Emergence of Iranian Nationalism: Race and the Politics of Dislocation. New York: Columbia University Press, 2016. 306 p.

[18] Zonis M. The Political Elite of Iran / Princeton Univ. Press // Internet Archive. – 1971. – p. 121. – URL: <https://archive.org/details/politicaeliteof0000zoni> (accessed on 18.10.2024).

[19] Фрай Р. Наследие Ирана / Под ред. и с предисл. М.А. Дандамаева; Пер. с англ. В.А. Лившица и Е.В. Зеймаля. М.: Восточная литература, 2002. – 463 с.

[20] Atabaki T. Recasting Oneself, Rejecting the Other: Pan-Turkism and Iranian Nationalism / Van Schendel, W. (Editor). / Identity Politics in Central Asia and the Muslim World: Nationalism, Ethnicity and Labour in the Twentieth Century. // London, GBR: I.B. Tauris & Company, Limited, 2001.

фокусируется на армяно-азербайджанском конфликте и ситуации на Южном Кавказе^[1], К. Хас рассматривает внешнеполитическую стратегию Турции в данном регионе^[2], а В. Каледжи изучает подход Ирана к региональным вопросам^[3].

Новизна исследования заключается в изучении этапа, предшествующего формулированию концепций Большого Ирана и Великого Турана. В отличие от большинства работ, в данном случае прослеживается не только современное состояние этих концепций, но и их эволюция, в т. ч. история ирано-турецких отношений и культурное взаимодействие стран. Приведена четкая хронологизация процесса формирования историко-культурных оснований концепций и их противостояния. Особое внимание уделяется проявлениям концепций в легендах и литературе, а также их взаимному влиянию, поскольку обе концепции происходят из персидских мифов. Для исследования исторических процессов применяется качественно-количественная методология – сетевой анализ.

Концепция Большого Ирана сосредоточена на территориях, прежде находившихся под влиянием иранской цивилизации и культуры: Иране, Кавказе (особенно Азербайджане), Восточной Турции, Центральной Азии (Таджикистане, Туркменистане, части Узбекистана), Афганистане и западных районах Пакистана и Индии. Включение Ближнего Востока в пространство Большого Ирана является дискуссионным. Частично к нему относят Ирак, исторически связанный с Ираном, поскольку он входил в состав Ахеменидской и Са-

санидской империй, а также Парфянского царства. Иракский Наджаф до сих пор важен для шиитов, а шиитские группировки Ирака входят в спонсируемую Тегераном «Ось сопротивления». Однако Левант, Аравийский полуостров и Северная Африка лишь эпизодически находились под иранским влиянием. Так, Египет (VI–IV вв. до н.э., 619–629 гг. н.э.) и Йемен (VI в. н.э.) временно находились под властью Персии, но из-за краткости персидского господства и удаленности данных стран от Ирана его влияние на них было слабым, в отличие от Центральной Азии, Кавказа и Афганистана. Сегодня Тегеран активно развивает отношения с Каиром, конкурируя на этом поприще с Анкарой, а также поддерживает хуситское движение «Ансаралла» в Йемене, рассматривая его как часть «Оси сопротивления». Однако данные внешнеполитические шаги мотивированы скорее геополитическими и экономическими соображениями, а не историко-культурными факторами.

Стоит обратиться к истории развития идеи паниранизма, которая оформилась в конце XIX – начале XX вв. как ответ на панарабизм и пантюркизм, особенно усилившийся в годы Первой мировой войны и межвоенный период на фоне роста амбиций Османской империи и стремления к независимости тюркских народов Центральной Азии и Кавказа. В частности, пантюркистские круги выдвигали проекты создания государства Туран за счет тюркоязычных регионов Ирана, Кавказа и Центральной Азии. В свою очередь, в 1925 г. иранский политический и общественный деятель, мыслитель, публицист и юрист М. Афшар Язди

[1] Де Баал Т. Черный сад. Армения и Азербайджан между миром и войной / М.: Российская политическая энциклопедия, 2014. – 392 с.

[2] Маркедонов С.М. Слом статус-кво и международное измерение кризиса в Нагорном Карабахе. Доклад международного дискуссионного клуба Валдай. М. 2020. ноябрь. 23 с. (в соавторстве с В. Каледжи и К. Хасом). URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/slom-status-kvo-karabakh/> (дата обращения: 18.10.2024).

[3] Там же.

(1893-1984) определил паниранизм как концепцию национального государства, объединяющего персоязычные народы и связанные с Ираном этнические группы; при этом паниранизм, по его замыслу, носил оборонительно-культурный, а не экспансионистский характер^[1].

М. Афшар родился в Йезде, получил образование в Индии и Иране, защитил докторскую диссертацию по политическим наукам в Швейцарии^[2]. Во время пребывания в Европе активно выступал в швейцарской прессе в защиту суверенитета Ирана из-за англо-иранского соглашения 1919 г., предусматривавшего исключительные права Великобритании на иранскую нефть. По возвращении в Иран занимался преподаванием, занимал различные должности в судебных, финансовых и культурных ведомствах^[3]. В 1925 г. основал журнал «Айянде» («Будущее»), где продвигал идеи культурного национализма и единства иранских народов. Также учредил благотворительный Фонд вакуфов своего имени, завещав значительную часть имущества на поддержку персидского языка, образования и науки в Иране.

Концепция Большого Ирана восходит к III в. н.э. и связана с культурной экспансией Сасанидов. В основе идеи лежало представление об Иране как Ираншахре («Царстве Ирана») – цивилизационной общности мно-

жества этнических и религиозных групп, противопоставленной варварскому миру Анерана («Не-Ирана»), куда Шапур I (241-272 гг.) включал Сирию, Каппадокию, Киликию и Кавказ^[4]. Таким образом, еще Сасаниды стремились интегрировать Южный Кавказ в Ираншахр.

После исламского завоевания Ирана в VII в. концепция Ираншахра была адаптирована к новым условиям. Особенно заметным ее возрождение стало при Сельджуках (XI-XII вв.), правителях тюркского происхождения, принявших персидскую культуру как основу иранской государственности^[5]. Поэма Фирдоуси «Шахнаме»^[6] (XI в.) укрепила идею преемственности персидской цивилизации, противопоставляя Иран Анерану – в первую очередь Турану^[7]. Мифологический мотив обосновывал историческое противостояние Ирана с арабами, римлянами и тюрками.

Изначально паниранизм позиционировался как культурно-оборонительная концепция, направленная на консолидацию персидской идентичности и сохранение целостности иранской культуры в ответ на вызовы пантюркизма и панарабизма. Однако современная внешнеполитическая активность Ирана на Южном Кавказе и Ближнем Востоке, в т. ч. в рамках «Оси сопротивления», демонстрирует выраженные региональные амбиции, что позволяет говорить о

[1] Afshar Yazdi M. *Afghan Letter* // Volume 3, Tehran Printing, 160 Solar, p. 405-49.

[2] Torkaman M. *Namehā-ye Doctor Mosaddeq* / [Письма доктора Мосаддека]. / Chap-e aval. // Tehran: Nashr-e Hezārān, 1374 [1995]. – S. 36.

[3] Sheikh al-Eslami J. *Be yād-e bonyāngozār-e Āyande* [В память об основателе журнала «Айянде»] // *Majalle-ye Āyande – Sāl-e noh, shomāre-ye Dey va Bahman* 1362 [1984]. – S. 717-725.

[4] Gignoux Ph. *ANĒRĀN* / *Encyclopædia Iranica* // II/1, pp. 30-31. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/aneran> (accessed on 08.03.2025).

[5] Фрай Р. *Наследие Ирана* / Под ред. и с предисл. М.А. Дандамаева; Пер. с англ. В.А. Лившица и Е.В. Зеймаля. М.: Восточная литература, 2002. С. 333.

[6] Фирдоуси Х. *Шах-наме* [Электрон. ресурс] / Х. Фирдоуси; пер. с перс. Ц. Бану // *Librebook.me*. – 2013. – URL: <https://librebook.me/shahnameh> (дата обращения: 18.10.2024).

[7] Dhalla M.N. *Zoroastrian civilization: from the earliest times to the downfall of the last Zoroastrian empire, 651 A.D.* / New York: Oxford University Press // Pp. 5-6. – 1922. – URL: <https://archive.org/details/zoroastriancivi00dhalgoog/mode/2up> (accessed on 08.03.2025).

прагматическом экспансионизме и ставит под сомнение исключительно оборонительный характер данной идеологии. Тем более, что сам архетип идеи «Большого Ирана» восходит к значительно более раннему историко-культурному контексту и был сформирован задолго до идеологических реалий XIX-XX вв.

Пантюркизм возник на рубеже XIX-XX вв. под влиянием романтического национализма и идеи общей истории, культуры и языка тюркских народов^[1]. Один из его главных идеологов, турецкий писатель, поэт, социолог и политический деятель З. Гёкальп (1876-1924) разработал концепцию «турецкого идеала» («мефкуре») как «эмоционально усиленную коллективную идею»^[2], а Туран описал как земли, населенные тюрками и тюркоязычными народами^[3].

Пантюркизм призван объединить тюркские народы на этнической, языковой и культурной основе. Одними из первых его идеологов были представители тюркско-мусульманской интеллигенции Российской империи. В конце XIX в. И. Гаспринский предложил идею общетюркского языка, основанного на турецком языке, и издавал на нем газету «Тәржеман» («Переводчик»). В начале XX в. пантюркизм активно развивали младотурки, стремясь сделать Турцию центром тюркского мира.

Взгляды З. Гёкальпа (настоящее имя – Мехмед Зия), одного из главных идеологов пантюркизма, формировались в т. ч. под влиянием тюркско-мусульманской интеллигенции из

Казани, Закавказья и Крыма. Получив традиционное мусульманское образование и владея арабским и персидским языками, он в 1896 г. переехал в Константинополь, где присоединился к младотуркам; в 1899 г. был арестован и выслан в Диярбакыр.

После младотурецкой революции 1908 г. взял псевдоним Гёкальп («небесный герой»), вступил в партию «Единение и прогресс», возглавил ее отделение в Диярбакыре, затем вошел в Центральный комитет. В 1909 г. переехал в Салоники, где редактировал журналы *Genç Kalem* («Молодые писатели») и *Yeni Felsefe Mecmuası* («Журнал новой философии»), продвигая идеи культурного национализма.

На раннем этапе своей деятельности Гёкальп выступал за восстановление величия Османской империи (идея Великой Турции) через ее тюркизацию – распространение турецкого языка и культуры среди этнических меньшинств. Со временем он пересмотрел свои взгляды, сформулировав идею пантюркизма как основу объединения тюркоязычных народов под эгидой Турции в мегагосударство Туран^[4] (идея Великого Турана).

С 1912 г. Гёкальп преподавал социологию в Стамбульском университете, в 1913 г. стал заместителем министра внутренних дел М. Талаат-паши, продвигал проект «Туран Йолу» («Дорога в Туран») для установления турецкого контроля над Кавказом, Крымом и Туркестаном^[5]. Критиковал османизм и исламизм как устаревшие и поддерживал светский турецкий национализм, оказал значительное влияние на

[1] Жигульская Д.В. «Турецкий идеал» в философии Зии Гёкальпа // Идеи и идеалы. 2021. №2-2. С. 347. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/turetskiy-ideal-v-filosofii-zii-gyokalpa> (дата обращения: 09.03.2025).

[2] Heyd U. Foundations of Turkish nationalism: the life and teachings of Ziya Gökalp / London : Luzac and the Harvill Press // P. 50. – 1950. – URL: <https://archive.org/details/foundationofturk0000unse/mode/2up> (accessed on 09.03.2025).

[3] Sarıncı Y. Türk milleti ve Turan / [Турецкая нация и Туран] // Türk Yurdu 6. – İstanbul: Ötüken, 1994. – N 2. – S. 181–185.

[4] Гасанова Э.Ю. Идеология буржуазного национализма в Турции в период младотурок. (1908-1914 гг.) [Текст] / АН АзССР. Ин-т народов Ближнего и Сред. Востока. – Баку : Изд-во АН АзССР, 1966. – С. 58.

[5] Гумилев Л.Н. Туран и Иран / Тысячелетие вокруг Каспия – М.: Айрис-пресс, 2008. – 384 с. – URL: <https://hagahan-lib.ru/library/tysyacheletie-vokrug-kaspiya15.html> (дата обращения: 20.04.2025).

идеологию младотурок и их репрессивную политику в отношении армян.

В 1919 г. был интернирован британцами на Мальту, по возвращении в Турцию присоединился к кемалистскому движению и в 1923 г. стал депутатом Великого национального собрания от Диярбакыра. Его теоретические труды сформировали идейные основы современной турецкой государственности^[1].

Современный пантюркизм стремится объединить тюркские народы в сверхконфедерацию с центром в Турции^[2], включающую также Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Киргизию, тюркоязычные регионы в России (Татарстан, Башкортостан, Дагестан, Астрахань), Китае (Синьцзян-Уйгурский автономный район) и Иране (Восточный Азербайджан, Западный Азербайджан, Ардебиль, Северный Хорасан, Хорасан-Резави, Голестан). Каспийское море рассматривается как внутреннее море тюркского мира^[3]. В своем геополитическом измерении концепция Великого Турана направлена в т. ч. на ослабление влияния Ирана в тюркоязычных регионах.

В современной Турции идеологию пантюркизма разделяют правящая Партия справедливости и развития (АКР) и ее главный союзник – Партия националистического движения (МНР), вместе имеющие около 53% мандатов в текущем XXVIII со-

зыве парламента. МНР, основанная в 1969 г. ультраправым националистом А. Тюркешем, продвигает праворадикальную этнонационалистическую повестку. Тюркеш также создал боевое молодежное крыло партии – организацию «Серые волки» («Бозкурт»), действующую и сегодня. Сейчас МНР возглавляет Д. Бахчели, известный жесткой националистической риторикой. С середины 2010-х гг. МНР образовала официальный альянс с АКР, а «Серые волки» стали инструментом внешней и внутренней политики Турции^[4], в т. ч. в борьбе с курдскими движениями, поддержке турецкой диаспоры в Европе и сотрудничестве с националистическими структурами «Великого Турана» (Азербайджан, Синьцзян)^[5]. В Азербайджане локальное подразделение «Серых волков» было создано в 1990-х гг. под покровительством тогдашнего министра внутренних дел И. Гамидова^[6].

АКР под руководством Р.Т. Эрдогана, формально позиционируемая как консервативная правоцентристская сила, де-факто продвигает нарратив, сочетающий неоосманизм и пантюркизм^[7], что проявляется в активном сотрудничестве с Организацией тюркских государств и риторике Эрдогана, нередко представляющего Турцию как лидера тюркского мира: «Мы, как лидеры, должны направлять сердца, несущие флаг тюркского мира, с целью создания мощного и единого

[1] Parla T. The Social and Political Thought of Ziya Gökalp: 1876–1924 / Leiden : E.J. Brill // P. 7. – 1985.

[2] Гумилев Л.Н. Туран и Иран / Тысячелетие вокруг Каспия – М.: Айрис-пресс, 2008. – С. 15. – URL: <https://hagahan-lib.ru/library/tysyacheletie-vokrug-kaspiya15.html> (дата обращения: 20.04.2025).

[3] Вахитов Р. Практический этногенез [Электронный ресурс] // СОНАР-2050 – Союзный нарратив. – 2017. – URL: <https://www.sonar2050.org/publications/vyzov-pantyurkizma-i-evraziyskiy-otvet/> (дата обращения: 15.12.2024).

[4] Денисова С. Серые волки. Турецкие экстремистские организации // Российский совет по международным делам. – URL: <https://russiancouncil.ru/turkeyextremists-greywolves> (дата обращения: 29.07.2025).

[5] Singh B. Separatism in Xinjiang: Between Local Problems and International Jihad? / Institute of Peace and Conflict Studies // 2012. – JSTOR. P. 7. – URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep09357> (accessed on 29.07.2025).

[6] Амбарян Г.Л. Деятельность международных террористических организаций в Азербайджане // Центр поддержки русско-армянских стратегических и общественных инициатив – 2016. – URL: <https://russia-armenia.info/node/26833> (дата обращения: 29.07.2025).

[7] Матюхин В.В. Доминирование Партии справедливости и развития в турецком политическом процессе: идеологический аспект // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2016. – №2. – С. 30. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dominirovanie-partii-spravedlivosti-i-razvitiya-v-turetskom-politicheskom-protssesse-ideologicheskij-aspekt> (дата обращения: 29.07.2025).

тюркского пространства»^[1].

Оппозиционные партии Турции, прежде всего Республиканская народная партия (СНР), официально ориентируются на принципы кемализма К. Ататюрка, осуждавшего панисламизм и пантюркизм. Однако его концепция государственного турецкого национализма стала основой репрессивной политики в отношении этноконфессиональных меньшинств^[2] – армян, греков, курдов и др., – что повлияло на развитие современного пантюркистского дискурса. Пантюркизм, возникший раньше кемализма, также оказал влияние на его формирование, что свидетельствует о взаимном влиянии данных доктрин. Показательно, что жест «Серых волков» сегодня используют политики разных идеологических спектров, в т. ч. оппозиция (например, бывший лидер СНР К. Кылычдароглу^[3] и лидер Хорошей партии М. Ашкенер^[4]) – это указывает на тенденцию к слиянию пантюркизма с турецким национализмом в единую идеологическую рамку.

Изначально турецкий национализм имел лишь этноцентрический характер и героизировал «тюркский дух», но сейчас пантюркизм стал частью мейнстримного националистического дискурса. Данный процесс поддерживается государством и внешнеполитическими действиями, что усиливает экспансионизм турецкого национализма. Современный пантюркизм – синкретичная идеология с

ярко выраженной геополитической направленностью, объединяющая турецкий национализм, неоосманизм и интеграцию тюркского мира, институционально встроенная в политику Турции.

Южный Кавказ исторически является зоной столкновения концепций Большого Ирана и Великого Турана. Для сторонников первого регион ассоциируется с территориями Сасанидов, Сефевидов и Каджаров, а для приверженцев второго – с частью тюркского мира. Данный конфликт обострился после того, как Турция фактически переломила региональный статус-кво в свою пользу, сыграв важную роль в Карабахских войнах 2020 и 2023 гг. Это вынудило Иран перейти от нейтралитета к политико-дипломатической поддержке Армении как противовеса тюркско-турецкой экспансии.

Политика «один народ – два государства» в отношении Азербайджана является значимой частью концепции Великого Турана и поддерживается военным сотрудничеством, которое способствовало возвращению Нагорного Карабаха под контроль Азербайджана^[5]. Турецкие беспилотники Bayraktar TB2 сыграли важную роль в изменении регионального статус-кво в пользу турецко-азербайджанского блока^[6]. На Параде Победы в Баку в 2020 г. президент Турции Р.Т. Эрдоган прочитал стихотворение о единстве азербайджанцев, что вызвало недовольство Ирана. Турецкому

[1] «После принятия решения об общем алфавите новый шаг Турции – Туркестан» [Электронный ресурс] // БИЗНЕС Online – 2024. – URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/650885> (дата обращения: 29.07.2025).

[2] Савинов Л.В. Национальный вопрос в Турции / Л.В. Савинов // Федерализм. – 2012. – № 2(66). – С. 137.

[3] Kılıçdaroğlu'ndan bozkurt selamı [Электронный ресурс] // Cumhuriyet – 2023. – URL: <https://www.cumhuriyet.com.tr/siyaset/kilicdaroglundan-bozkurt-selami-2075016> (дата обращения: 29.07.2025).

[4] Meral Akşener Bozkurt İşareti yaptı! Önce kendisi yazdı sonra kendisi bozdu // Son Havadis – 2023. – URL: <https://web.archive.org/web/20230128193926/https://www.sonhavadis.com/meral-aksener-bozkurt-isareti-yapti-once-kendisi-yazdi-sonra-kendisi-bozdu/> (дата обращения: 29.07.2025).

[5] Аватков В.А. Турция и Азербайджан: одна нация – одно государство? // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66. – № 2. – С. 93. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-2-90-100> (дата обращения: 09.03.2025).

[6] Маркедонов С.М. Слом статус-кво и международное измерение кризиса в Нагорном Карабахе. Доклад международного дискуссионного клуба Валдай. М. 2020. ноябрь. С. 6–9. (в соавторстве с В. Каледжи и К. Хасом). – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/slom-status-kvo-karabakh/> (дата обращения: 18.10.2024).

послу в Тегеране напомнили, что «эпоха территориальных претензий [...] прошла»^[1]. Хотя инцидент был урегулирован, в январе 2021 г. Иран вновь обвинил Турцию во вмешательстве в армяно-азербайджанский конфликт^[2].

Концепция «Великого Турана» имеет многозначный характер и допускает разные интерпретации.

Во-первых, в иранской мифологии Туран противопоставляется Ираншахру как пространство «хаоса» и кочевых племен, враждебных зороастрийскому миру, выступает символом дихотомии «свой – чужой».

Во-вторых, Туран обозначал ираноязычные кочевые народы Центральной Азии и северо-восточных соседей иранцев.

В-третьих, в древней и средневековой персидской географии Туран охватывал степи к северо-востоку от Ирана (от Приаралья до Сибири и Алтая), но границы были условными и политически неопределенными.

В-четвертых, с конца XIX в. Туран в пантюркизме стал символом объединения тюркских народов, в т. ч. вытеснивших в Средние века ираноязычные племена из Центральной Азии, и важным элементом турецкого национального мифа.

В-пятых, в современном внешнеполитическом дискурсе Турции концепция Турана объясняет геополитические амбиции Анкары в тюркоязычных

регионах, в т. ч. на Южном Кавказе. При этом данный конструкт опирается скорее на исторический процесс освоения тюркскими народами туранских территорий, чем на иранскую мифологию.

Таким образом, Туран – это одновременно миф и идеологема, этнокультурный конструкт, географическое понятие, символ пантюркизма и политический проект современной Турции. При этом смысловое наполнение данного понятия менялось от эпохи к эпохе.

Также следует отметить, что Эрдоган стремится объединить в своей внешней политике элементы концепций и Великой Турции, и Великого Турана. С одной стороны, идея «Великой Турции» направлена на восстановление влияния в границах Османской империи. В данном контексте Анкара последовательно расширяет свое присутствие в регионах бывшей Османской империи через союз с Азербайджаном и активную политику на Балканах^[3] и в Леванте^{[4][5]} (действия Турции в Сирии осуждает, в частности, Иран^[6]). С другой стороны, в рамках идеи «Великого Турана» Турция укрепляет позиции в тюркском мире в широком смысле, например, в Центральной Азии через Организацию тюркских государств, Турецкое агентство по сотрудничеству и координации, а также фонд «Маариф»^[7]. Также, как отмечает

[1] Турецкого посла вызвали в МИД Ирана из-за прочитанного Эрдоганом стихотворения [Электронный ресурс] // IslamNews – 2020. – URL: <https://islamnews.ru/turetskogo-posla-vyzvali-v-mid-irana-iz-za-prochitannogo-erdoganom-stikhotvoreniya> (дата обращения: 15.12.2024).

[2] Хашеми А.Х. Интервью. Амир Хоссейн Газизаде Хашеми о ядерных проектах России и Ирана [Электронный ресурс] / беседовала А. Афанасьева // СМОТРИМ – 2021. – URL: <https://smotrim.ru/video/2261838> (дата обращения: 15.12.2024).

[3] Минобороны Турции отправит спецназ в Косово по запросу НАТО [Электронный ресурс] // РИА Новости – 2023. – URL: <https://ria.ru/20230603/spetsnaz-1875934790.html?ysclid=m81jaw4ban610678307> (дата обращения: 09.03.2025).

[4] История военных операций Турции в Сирии [Электронный ресурс] // ТАСС – 2019. – URL: <https://tass.ru/info/6981077> (дата обращения: 09.03.2025).

[5] Турция инициировала возвращение Сирии в ОИС спустя 13 лет, сообщил источник [Электронный ресурс] // РИА Новости – 2025. – URL: <https://ria.ru/20250307/siriya-2003743897.html?ysclid=m81jfog4ab387258043> (дата обращения: 09.03.2025).

[6] Глава МИД Ирана: На события в Сирии оказали непосредственное влияние Турция и ряд других стран [Электронный ресурс] // Новости Армении – 2025. – URL: <https://news.am/rus/news/870657.html> (дата обращения: 09.03.2025).

[7] Эргашев А.С., Гришин О.Е. Образовательная политика Турции в Центральной Азии. Проблемы постсоветского пространства. – 2022. – 9(3). – С. 321. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-3-319-326> (дата обращения: 09.03.2025).

В.А. Аватков, двусторонние связи между Турцией и Азербайджаном приводят к их «сращиванию в единое туркоцентричное пространство почти во всех сферах взаимодействия»^[1].

Рассматривая восприятие пантюркизма на Южном Кавказе, необходимо учитывать существование в Азербайджане концепции «Великого Азербайджана», сформулированной в 1991 г. основателем «Национально-освободительного движения Южного Азербайджана» П. Диланчи и развитой президентом Азербайджана А. Эльчибеєм. Подобно концепции «Великой Турции», данная идея основана на объединении территорий, которые воспринимаются как исторически «свои», включает элементы экспансионизма, а также подчеркивает роль титульного этноса. Однако, в отличие от концепции «Великой Турции», ориентированной на восстановление турецкого влияния в более широких границах бывшей Османской империи, концепция «Великого Азербайджана» предполагает включение в состав Азербайджана территорий, исторически населенных азербайджанцами (от Дербента до Персидского залива), и не ставит целью интеграцию страны в пантюркистское пространство под эгидой Анкары. Так, в июле 2024 г. Эрдоган заявил, что Турция может «войти» в Израиль так же, как ранее в Ливию и Нагорный Карабах^[2]. В ответ в Министерстве обороны Азербайджана подчеркнули, что заявления об

участии иностранных войск «в операциях по восстановлению территориальной целостности и суверенитета Азербайджана не имеют оснований»^[3]. Несмотря на стратегическое партнерство с Анкарой, Баку принципиально отказывается рассматривать конфликт в Нагорном Карабахе как турецкую военную интервенцию.

Показательно также, что в 1995 г. «Серые волки» были запрещены в Азербайджане за причастность к мятежу против президента Г. Алиева^[4]. Таким образом, несмотря на то, что Азербайджан – главный бенефициар пантюркизма на Южном Кавказе, отношение к данной идеологии в Баку неоднозначное. Если концепция «Великой Турции» соотносится с пантюркизмом, то концепция «Великого Азербайджана» автономна по отношению к нему и направлена на укрепление суверенитета Азербайджана.

Отношение Армении к пантюркизму стало менее однозначным. Если раньше он ассоциировался с угрозой территориальной целостности и геноцидом 1915 г., то после поражений во Второй и Третей Карабахских войнах (2020, 2023 гг.) и интеграции НКР в состав Азербайджана сделаны попытки сближения с Турцией: премьер-министр Н. Пашинян встречался с Р.Т. Эрдоганом в октябре 2020 г. на заседании Европейского политического сообщества в Праге^[5] и в июне 2023 г. на инаугурации Эрдогана в Анкаре^[6], в июне 2025 г. впервые посетил Турцию

[1] Аватков В.А. Турция и Азербайджан: одна нация – одно государство? // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66. – № 2. – С. 91. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-2-90-100> (дата обращения: 09.03.2025).

[2] Турция может «войти» в Израиль, заявил Эрдоган [Электронный ресурс] // РИА Новости – 2024. – URL: <https://ria.ru/20240728/konflikt-1962570340.html?ysclid=m81le8cxvl136923477> (дата обращения: 09.03.2025).

[3] В Баку задеты словами Эрдогана о помощи во время войны в Нагорном Карабахе [Электронный ресурс] // Sputnik Армения – 2024. – URL: <https://am.sputniknews.ru/20240729/v-baku-obidelis-na-erdogana-iz-za-slov-o-pomoschi-vo-vremya-voyny-v-nagornom-karabakhe-78864593.html> (дата обращения: 09.03.2025).

[4] Murinson A. Turkey's Entente with Israel and Azerbaijan: State Identity and Security in the Middle East and Caucasus / London : Routledge // 2010. – Pp. 43-56.

[5] Лидеры Турции, Азербайджана и Армении впервые встретились в Праге [Электронный ресурс] // РИА Новости – 2022. – URL: <https://ria.ru/20221006/vstrecha-1822001226.html> (дата обращения: 29.07.2025).

[6] Лидер Армении впервые за почти 15 лет прибыл в Турцию [Электронный ресурс] // РИА Новости – 2023. – URL: <https://ria.ru/20230603/pashinyan-1875967305.html> (дата обращения: 29.07.2025).

официально^[1]. В марте 2025 г. он заявил, что международное признание геноцида армян не является приоритетом внешней политики Армении^[2], а в апреле того же года в обращении на 110-ю годовщину геноцида отметил, что развитие суверенной Армении с международно признанными границами и урегулированными отношениями с соседями – «лучший путь преодоления трагедии»^[3]. Позиция Еревана по Зангезурскому коридору, который Эрдоган называет «трамплином для объединения тюркских государств»^[4], также смягчилась: в июле 2025 г. Пашинян допустил возможность передачи контроля над пограничными пунктами в формате «аутсорсинга» и призвал прекратить испытывать «аллергию» к слову «коридор»^[5] (Зангезурский коридор принято называть в Армении Сюникской областью).

Не входя в тюркский мир и не имея столь сложной истории отношений с Турцией, Грузия воспринимает ее прежде всего как важного экономического партнера и сохраняет нейтралитет в региональных вопросах, прямо не затрагивающих ее интересы^[6]. Россия и Иран видят в пантюркизме угрозу своему влиянию на Южном Кавказе,

однако в современных условиях более жесткую позицию занимает Тегеран. Россия в публичных заявлениях называет вопрос о Зангезурском коридоре «суверенным делом Армении и Азербайджана»^[7], тогда как Иран прямо обозначает его целью «ослабление Оси сопротивления, обрыв связи Ирана с Кавказом и создание сухопутной блокады Ирана и России на юге региона»^[8].

Концепции Большого Ирана и Великого Турана влияют на внешнюю политику Тегерана и Анкары на Южном Кавказе, что подтверждается их заявлениями по региональным вопросам, в т. ч. армяно-азербайджанскому конфликту. Националистическая идеология паниранизма противоречит религиозной доктрине Ирана, однако в заявлениях иранских политиков иногда прослеживаются скрытые отсылки к имперскому прошлому страны, особенно в контексте отношений с Арменией. Так, президент Ирана Э. Раиси после встречи с премьер-министром Армении Н. Пашиняном в 2022 г. отметил: «Кавказ – часть истории, цивилизации и культуры Ирана. Мы придаем большое значение безопасности и миру в регионе»^[9].

[1] Премьер Армении Пашинян прибыл в Турцию с первым в истории рабочим визитом [Электронный ресурс] // Интерфакс – 2025. – URL: <https://www.interfax.ru/world/1032287> (дата обращения: 29.07.2025).

[2] Пашинян заявил, что признание геноцида армян не является приоритетом [Электронный ресурс] // РБК – 2025. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfree/news/67d350719a794738c80f56af> (дата обращения: 29.07.2025).

[3] Пашинян сказал, как армяне должны «пережить» Геноцид [Электронный ресурс] // Sputnik Армения – 2025. – URL: <https://am.sputniknews.ru/20250424/pashinyan-nazval-klyuchevuyu-zadachu-v-preodolenii-boli-genotsida-armyan-88187066.html> (дата обращения: 29.07.2025).

[4] «Мост Трампа» или «Трамплин Эрдогана» через «Реальную Армению» к «Большому Турану»? [Электронный ресурс] // Sputnik Армения – 2025. – URL: <https://am.sputniknews.ru/20250728/most-trampa-ili-tramplin-erdogana-cherez-realnuyu-armeniyu-k-bolshomu-turanu-91748311.html> (дата обращения: 29.07.2025).

[5] Никол Пашинян сознательно отождествляет концессию и аутсорсинг [Электронный ресурс] // Հրապարակ – 2025. – URL: <https://hraparak.am/post/7a8e855609f1b9bf3c57d8eb30c6bd2c> (дата обращения: 29.07.2025).

[6] Грузия заявила о нейтралитете в карабахском конфликте [Электронный ресурс] // Коммерсантъ – 2020. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4511250> (дата обращения: 29.07.2025).

[7] В Кремле назвали вопрос о «Зангезурском коридоре» суверенным делом Армении и Азербайджана [Электронный ресурс] // Sputnik Армения – 2025. – URL: <https://am.sputniknews.ru/20250724/v-kremle-nazvali-vopros-o-zangezurskom-koridore-suverennym-delom-armenii-i-azerbaydzhana-91630504.html> (дата обращения: 29.07.2025).

[8] В Иране объяснили, зачем США нужен Зангезурский коридор [Электронный ресурс] // РИА Новости – 2025. – URL: <https://ria.ru/20250728/ssh-a-2031814138.html> (дата обращения: 29.07.2025).

[9] رئیس: امنیت «قفقاز» برای ایران بسیار مهم است/ پاشینیان: ایران باید از روابطمان با آذربایجان و ترکیه و «قره باغ» آگاهی داشته باشد

[Раиси: Безопасность Кавказа имеет для Ирана большое значение / Пашинян: Иран должен быть осведомлен о наших отношениях с Азербайджаном, Турцией и Карабахом] // Tasnim – 2022. – URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/08/10/2797284/> (дата обращения: 02.01.2025).

Турецкие политики, наоборот, часто обращаются к идее Великого Турана. Еще до прихода к власти Эрдогана Т. Озал говорил о историческом единстве тюркских народов под защитой Турции^[1], а С. Демирель – о «турецком мире» от Адриатики до Великой Китайской стены^[2]. В 2023 г., с началом Третьей карабахской войны, один из ведущих турецких пропагандистов И. Карагюль заявил, что «Турция достигнет Персидского залива – ради этой цели [...] меняются карты»^[3]; другой ту-

рецкий пропагандист Ф. Бёлюкбаши опубликовал карту «оккупированных турецких земель», в т. ч. Южного Кавказа и части Ирана (рис. 1)^[4]. Важность идеи Великого Турана в современной внешней политике Турции подтверждают карты тюркского мира, включающие Азербайджан и часть Ирана, как, например, та, которую в 2021 г. лидер Партии национального движения Турции Д. Бахчели подарил Эрдогану (рис. 2)^[5].

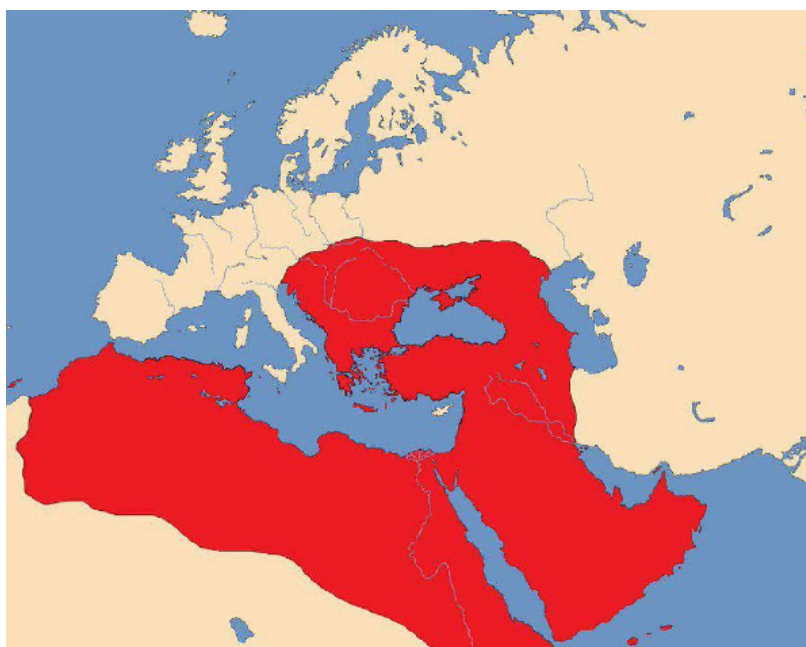

Рис. 1 – Карта «оккупированных турецких земель», опубликованная 24 октября 2023 г. в социальной сети X турецким пропагандистом Фурканом Бёлюкбаши

[1] Турция интегрирует националистические устремления в свою политику — эксперт [Электронный ресурс] // EADaily – 2021. – URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/02/19/turciya-integriruet-nacionalisticheskie-ustremleniya-v-svoyu-politiku-ekspert> (дата обращения: 02.01.2025).

[2] Там же.

[3] İbrahim Karagül в X: «Karabağ ve Suriye (Kuzey Irak) tek cephe dir. Biri Doğu Kapısı, biri Güney Kapısı Biri Orta Koridor, biri Güney Koridor. Orta Asya Anadolu'ya, Türkiye Basra Körfezi'ne ulaşacak. Aramıza kalın duvarlar önlenlere asla boyun eğilmeyecek. 21. yüzyılın en önemli jeopolitik» [«Карабах и Сирия (Северный Ирак) – это единый фронт. Один – Восточные ворота, другой – Южные ворота. Один – Центральный коридор, другой – Южный коридор. Центральная Азия достигнет Анатолии, Турция – Персидского залива. Мы никогда не поддадимся тем, кто строит толстые стены между нами. Геополитика XXI века – это важнейший вопрос»] // X – 2023. – URL: <https://x.com/ibrahimkaragul/status/1704076771732197376?s=46&t=Azv7O6x1tTSL1xrcwDeWmQ> (дата обращения: 02.01.2025).

[4] Furkan Bölükbaşı в X: «İşgal altındaki Türk toprakları. Bir gün mutlaka döneceğiz» [«Оккупированные турецкие земли. Однажды мы обязательно вернемся»] // X – 2023. – URL: <https://x.com/furkancerkes/status/1716772377466437695?s=46&t=Azv7O6x1tTSL1xrcwDeWmQ&mx=2> (дата обращения: 02.01.2025).

[5] Эрдогану подарили карту «тюркского мира» с российской территорией [Электронный ресурс] // РИА Новости – 2021. – URL: <https://ria.ru/20211117/erdogan-1759551187.html> (дата обращения: 02.01.2025).

Рис. 2 – Карта «тюркского мира», подаренная президенту Турции Реджепу Тайипу Эрдогану лидером Партии националистического движения Девлетом Бахчели в 2021 г.

Современное противостояние концепций Большого Ирана и Великого Турана связано с геополитическими интересами Тегерана и Анкары, но имеет глубокие историко-культурные корни. Восходящее к зороастризму и древней мифологии персидское мировоззрение противопоставляло Иран и Туран, населенные родственными народами. Земледельческий Иран превратился в Ахеменидскую империю, а Туран развивался как государство кочевников в Центральной Азии.

Историко-культурные корни противостояния концепций Большого Ирана и Великого Турана отражены в зороастрийских текстах и персидском эпосе. В Авесте упоминается река Вахш (Амударья), разделявшая оседлых иранцев и кочевых туранцев, что было также изложено в среднеперсидском

эпосе «Хвадай-намак»^{[1],[2]}, и легло в основу поэмы Фирдоуси «Шахнаме». Мифологический дуализм со временем приобрел политическое измерение, предвосхитив современные дискурсы о сферах влияния Ирана и Турции, в т. ч. на Южном Кавказе.

По «Шахнаме», легендарный иранский царь Фаридун разделил земли между сыновьями: Салм получил Китай, Тур – Туран, а Эрадж – Иран. Убийство Эраджа старшими братьями положило начало вражде между Ираном и Тураном^[3]. Конфликт получил и религиозное измерение: Заратуштра, основоположник зороастризма, был изгнан из Турана и нашел покровительство в Иране у царя Виштаспы, который принял его учение и встал на защиту новой веры в войне с туранским царем Эрджаспом^[4].

[1] Алонцев М. Идея Ирана [Электрон. ресурс] // Pax Iranica | Telegram : [https://web.telegram.org]. – 2022. – URL: https://t.me/rahiIranica/260 (дата обращения: 15.12.2024).

[2] Хвадай-намак [Электрон. ресурс] // Советская историческая энциклопедия : в 16 т. / Электронная энциклопедия и библиотека Руниверс : [https://runivers.ru/]. Под ред. Е. М. Жукова. — М. : Советская энциклопедия, 1974. — Т. 15 : Феллахи — Чжалайнон. — Стб. 559. — URL: https://runivers.ru/bookreader/book10474/#page/286/mode/1up (дата обращения: 18.10.2024).

[3] Фирдоуси Х. Шах-наме [Электрон. ресурс] / Х. Фирдоуси; пер. с перс. Ц. Бану // Librebok.me. – 2013. Т.1. С.19. URL: https://librebok.me/shahnameh (дата обращения: 18.10.2024).

[4] Гусейноглы К. Родина и этническое происхождение Заратустры [Электронный ресурс] // AXAR.AZ — 2016. — URL: https://ru.axar.az/news/nauka/38012.html (дата обращения: 15.12.2024).

В персидской эпической традиции, прежде всего в «Шахнаме» Фирдоуси, Иран символизирует порядок, справедливость и легитимную власть, освященную божественной благодатью (фарр-е изади)^[1]. Туран же предстает как символ хаоса, насилия и варварства, и в священных текстах Авесты представляется антагонистом (друдж) зороастрийского порядка (аша)^[2], т. е. противопоставляется Ирану на символическом, ценностном и цивилизационном уровнях. Власть в Иране изображается легитимной и справедливой, а в Туране – узурпированной и основанной на обмане и насилии. Иран описывается как оседлое и культурно развитое общество, Туран – как кочевое, милитаризованное и подчиненное силе^[3]. Данная оппозиция не этническая, т. к. Туран населяли ираноязычные племена, а цивилизационная: Туран выступает «другим», бросающим вызов моральной и политической устойчивости Ирана.

В поэме Туран олицетворяет царь Афрасиаб – хитрый, но лишенный духовной легитимности главный антагонист иранского мира. В одном из наиболее важных для сюжета «Шахнаме» эпизодов он обманом заставляет иранского героя Рустама убить собственного сына Сухраба. Другой трагический эпизод поэмы связан с сыном иранского шаха Сиявушем, который бежал в Туран, но позже был предан и казнен Афрасиабом. Сын Сиявуша, Кей Хосров, вместе с Рустамом собирает армию и одерживает победу над Тураном^[4], что символизирует торжество

справедливости.

Однако историческая реальность была более сложной. После падения Ахеменидов в 330 г. до н.э. территория Ирана вошла в состав эллинистической державы Селевкидов. В III в. до н.э. в одной из ее сатрапий возникло Парфянское царство, основанное ираноязычными парфянами, которые считаются туранцами^{[5],[6]}. Туран стал преемником древнеиранской государственности, ведя борьбу с Римом за контроль над Ближним Востоком. Приняв иранскую культуру и зороастризм, парфянские правители носили титул шахиншаха, подчеркивая преемственность с древними персидскими династиями. Так завершился архаический период развития историко-культурных оснований для противостояния концепций Большого Ирана и Великого Турана, сменившись ирано-туранским противостоянием с преобладанием иранской государственности (III в. до н.э. – VI в.).

После падения Парфянского царства сменивший его Сасанидский Иран продолжил борьбу за земли Турана и в союзе с Тюркским каганатом победил туранцев-эфталитов. Раздел Турана между Сасанидами и тюрками способствовал оседанию тюркских племен в регионе и вместе с тем исчезновению многих туранских этносов. Начался этап тюрко-иранского сосуществования (VI–XVI вв.), который можно разделить на три периода: симбиоза (VI–X вв.), тюркского (X–XIII вв.) и монгольского господства (XII–XVI вв.).

[1] Замани А. Фарр в «Шахнаме» Абулькасима Фирдоуси : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / Акил Замани; [Место защиты: Тадж. нац. ун-т]. – Душанбе, 2014. – С. 3.

[2] Рак И.В. Зороастрийская мифология. – СПб.: Журнал «Нева»; Летний сад, 1998. – С. 131.

[3] Там же. С. 211–212.

[4] Фирдоуси Х. Шах-наме [Электрон. ресурс] / Х. Фирдоуси; пер. с перс. Ц. Бану // Librebook.me. – 2013. Т.3. С.113. URL: <https://librebook.me/shahnameh> (дата обращения: 18.10.2024).

[5] Гумилев Л.Н. Туран и Иран / Тысячелетие вокруг Каспия – М.: Айрис-пресс, 2008. – С. 15. URL: <https://hagahan-lib.ru/library/tysyacheletie-vokrug-kaspiya15.html> (дата обращения: 20.04.2025).

[6] Хомяков А.С. Царство Парфянское / Полное собрание сочинений: в 8 т. Т. 6. – М.: Университетская типография, 1904. – Ч. 46. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksey_Homyakov/polnoe-sobranie-sochinenij-tom-6/ (дата обращения: 20.04.2025).

В период симбиоза регион изменила исламизация Ирана и Тюркского каганата. После арабского завоевания Ирана и падения Сасанидов (651 г.) в Иране возникли ирано-исламские династии (Тахириды, Саффарины, Саманиды), но военную элиту их государств составляли тюрки. В то же время тюркские династии (Карлуки, Огузы, Караханиды) сохраняли иранские традиции управления. В X в. Саманиды объединили в своих границах Иран и Туран, но влияние тюркской военной знати привело к распаду их государства к концу того же столетия. Иран перешел к тюркской династии Газневидов, а Туран – к Караханидам.

С установлением тюркского господства началась «туранизация» тюрков – формирование политико-культурной идентичности, основанной на мифе о Туране как исконно «тюркском мире». Чтобы утвердить свою власть над Тураном, Караханиды связывали свое происхождение с Афрасиабом, которого отождествляли с тюркским героем Алп Эр Тонгой^[1]. Это способствовало формированию представления о Туране как об изначально тюркском регионе, что создало предпосылки для переосмысления термина «Туран» в конце XIX – начале XX вв. как символа объединения тюркских народов в рамках пантюркизма.

Формализации представлений о Туране как тюркском культурно-историческом пространстве содействовала поэма «Кутадгу билиг» XI в., созданная Ю. Баласагуни для правителя Кашгара. Написанная на караханидском языке и сочетавшая

элементы персидской и арабской традиций, она служила тюркским аналогом «Шахнаме» и укрепляла образ Турана как родины тюрков через тюркскую героическую традицию^[2]. Энциклопедия тюркских языков «Диван лугат ат-турк» (XI в.) М. аль-Кашгари провозглашала культурную и политическую исключительность тюрков, представляя Туран как сакрализованную сферу тюркского господства^[3]. В XX в. данный текст использовался в политике тюркизации и формирования национального самосознания в Турции^[4].

В XI в. Иран и Центральную Азию завоевали Сельджуки, перенеся персидскую модель управления, но к XII в. их власть ослабла. Усилились местные династии, например, Хорезмшахи, но в XIII в., в ходе монгольского завоевания, как тюркские, так и иранские государства были разрушены. При монгольском господстве в Центральной Азии существовал Чагатайский улус, в Иране – Государство Ильханидов. Монголы адаптировались к местным традициям управления: в Государстве Ильханидов – к персидской, в Чагатайском улусе – к тюркской.

К XVI в., в результате длительного периода сосуществования тюркских и иранских государств, сформировались Османская империя и Сефевидский Иран с разными политико-культурными системами. Османская империя зародилась в Малой Азии после распада Сельджукского государства. Ведя завоевания с конца XIII в., небольшое тюркское государство, говорившее на турецком (в отличие от Сельджуков,

[1] История принятия ислама народами Азии [Электронный ресурс] // islam.ru – 2014. – URL: <https://islam.ru/content/history/31036>

[2] Hajib Y. Wisdom of Royal Glory (Kutadgu Bilig): A Turko-Islamic Mirror for Princes / translated, with an introduction and notes, by R. Dankoff // University of Chicago Press, 1983. – P. 281

[3] Ал-Кашгари М. Диван Лугат ат-Турк / Перевод, предисловие и комментарии З.-А. М. Ауэзовой. Индексы составлены Р. Эрмерсом. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – С. 24.

[4] Zülfiyar H. Fark Edilmeyen Türkçedeki Oldubittir / [Незамеченный свершившийся факт в турецком языке] // Türk Dili – 2014. – S. 25. – URL: <https://tdk.gov.tr/wp-content/uploads/2014/01/20140108.pdf> (дата обращения: 20.04.2025)

использовавших персидский), превратилось в империю и, взаимодействуя с местным населением, образовало турецкий народ. Сефевиды пришли к власти в Иране на рубеже XV-XVI вв. после распада Государства Ильханидов и, имея тюркское происхождение, поддерживали персидскую культуру для легитимации власти.

В XVI-XIX вв. наблюдалась политизация конкуренции концепций Большого Ирана и Великого Турана.

При Сефевидах (1501-1722 гг.) Иран достиг почти современных границ. Несмотря на тюркские корни, правящая династия заявляла о своем происхождении от пророка Мохаммада по алидской линии, сделав шиизм государственной религией. Это укрепило влияние шиитского духовенства и способствовало переходу населения Ирана из суннизма в шиизм. Политическое поведение Сефевидов определялось древней культурой «иранского суперэтнуса»^[1].

Сефевиды насаждали шиизм в сочетании с персидским суфизмом как основу иранского государства для обеспечения лояльности элит и ослабления влияния Османов, узбекских и ширванских ханов^[2]. Этому сопротивлялась Османская империя, которая, как пишет историк Х. Иылмаз^[3], мобилизовала суфиев вокруг учения Ибн Араби. В начале XVI в. идеологическое соперничество Ирана и Османской империи стало открытым: в 1501 г. шах Исмаил I указом проклял первых трех суннитских халифов, завоевавших Персию в VII в., а в 1511 г. в Малой Азии вспыхнуло восстание шиитских тюр-

ков-кызылбашей, временно изгнавших османские войска из региона.

В XVI в. Персия и Османская империя начали войны за Южный Кавказ. Исмаил I захватил Ак-Коюнлу (восточная Анатолия, Армения, западный Иран) и Азербайджан. В 1533 г. султан Сулейман I начал поход в Иранский Азербайджан, стремясь контролировать торговые пути между Средиземноморьем и Персидским заливом. Османы захватили часть юго-западной Грузии и город Ван в южной Армении. Амасьяский мир 1555 г. закрепил за османами Западную Армению и Грузию, а за Ираном – Восточную Грузию, Восточную Армению и Азербайджан. В 1578 г. турки вновь захватили значительную часть Южного Кавказа, но шах Аббас I восстановил прежние границы, что было зафиксировано в Стамбульском мире 1612 г.^[4] Ирано-турецкие войны завершились в 1821 г. Эрзурумским договором, подтвердившим границы, установленные Амасьяским и Зухабским миром.

С XX в. начался современный этап противостояния концепций Большого Ирана и Великого Турана, когда они оформились как политико-идеологические проекты. Как уже отмечалось выше, паниранизм был сформулирован М. Афшаром Язди в 1925 г. как культурно-оборонительное объединение связанных с Ираном народов, а пантюркизм – в трудах З. Гёкальпа как идея культурно-политического объединения тюрков в рамках Великого Турана.

Таким образом, историко-культурные основания противостояния

[1] Zonis M. The Political Elite of Iran / Princeton Univ. Press // Internet Archive. – 1971. – P. 121. – URL: <https://archive.org/details/politicaeliteof0000zoni> (accessed on 18.10.2024).

[2] Жигалина О.И. Этносоциальная эволюция иранского общества. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. – С. 36.

[3] Yilmaz H. Caliphate Redefined: The Mystical Turn in Ottoman Political Thought / Princeton Univ. Press // Academia.edu. – 2018. – Pp. 241-251. – URL: https://www.academia.edu/35889898/Caliphate_Redefined_The_Mystical_Turn_in_Ottoman_Political_Thought (accessed on 18.10.2024).

[4] Имгрунт Е.В. Ирано-турецкие конфликты в XVI-XVIII веках / Е.В. Имгрунт. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2014. – № 20 (79). – С. 519-521. – URL: <https://moluch.ru/archive/79/14062/> (дата обращения: 18.10.2024).

концепций Большого Ирана и Великого Турана развивались через несколько этапов:

1. Архаический период (до III в. до н.э.);

2. Ирано-туранское противостояние с преобладанием иранской государственности (III в. до н.э. – VI в. н.э.);

3. Тюрко-иранское сосуществование (VI–XVI вв.):

- Симбиоз (VI–X вв.);
- Тюркское господство (X–XIII вв.);
- Монгольское господство (XIII–XVI вв.);

4. Политизация прообразов концепций (XVI–XIX вв.);

5. Полноценное формулирование концепций и современный этап противостояния (с XX в.).

С учетом приведенной исторической хронологии и связей тюркских этносов с иранской цивилизацией, а также того факта, что концепции «Большого Ирана» и «Великого Турана» восходят к персидской мифологии, важно определить время и причины их размежевания.

Началом процесса стала эпоха Сасанидов и Тюркского каганата (VI–VII вв.), когда после разгрома ираноязычных эфталитов произошло первое политическое разделение Турана между иранцами и начались масштабные миграции тюрков в Центральную Азию. В период тюрко-иранского сосуществования (VI–XVI вв.), первоначально реализовывавшегося в рамках персидской культурной, языковой и административной модели, постепенно институционализировалась тюркская военная элита: после арабского завоевания Ирана (VII в.) турки интегрировались во властные структуры ирано-исламских династий и начали формировать собственные политико-культурные коды.

С распадом государства Саманидов и приходом к власти тюркских

династий Караханидов и Газневидов (X–XII вв.) сформировалась тюркская мифопоэтическая традиция, переосмыслившая Туран как «исконно тюркское» пространство. Складывались мифы о происхождении тюркских династий, создавался тюркский эпос, формировался нарратив культурно-политической исключительности тюрков.

Монгольское владычество в Иране и Туране (XIII–XIV вв.) лишь углубило размежевание, закрепив тюркскую политическую культуру в Центральной Азии и различия в государственно-культурных моделях Ирана и Турана. Окончательное институциональное и конфессионально-политическое разделение произошло с появлением Сефевидской и Османской империй (с XVI в.), вступивших в религиозный и геополитический конфликт.

Финальная стадия разделения наступила в XIX–XX вв. ввиду формирования национальных идеологий в Иране, Турции, Азербайджане и тюркских республиках Центральной Азии. Туран стал символом единства тюркских народов, противопоставленным иранскому миру и арабскому Востоку. Апогеем этого стал пантюркизм младотурок, сформулированный такими мыслителями, как З. Гёкальп. В то же время в иранской историографии усиливался дискурс культурной исключительности и преемственности персидской цивилизации, объединяющей ираноязычное пространство.

Иными словами, размежевание концепций «Большого Ирана» и «Великого Турана» началось в VI–XI вв., когда тюркские этносы стали претендовать на политико-культурное господство в Туране, ранее воспринимавшемся через персидскую цивилизационную парадигму. В данный

период формировалось переосмысление Турана как сферы тюркского влияния, что запустило длительный процесс культурной дивергенции. Он завершился в XX в., когда обе концепции стали полноценными идеологическими и геополитическими проектами.

Современное идеологическое противостояние данных концепций имеет глубокие историко-культурные корни, уходящие в иранскую мифологию, и стало результатом не только политических амбиций, но и долгого и сложного процесса цивилизационного расхождения. В персидской мифопоэтике, откуда происходят понятия

«Иран» и «Туран», они символизируют два цивилизационных начала: Иран – упорядоченный мир, Туран – пространство хаоса. Хотя туранцы изначально считались родственными иранцам народами, принадлежавшими к общему культурно-мифологическому континууму, уже тогда формировалась дихотомия, которая позже приобрела политический смысл.

Для сетевого анализа ирано-турецких войн составим матрицу (табл. 1), где строки – зоны боевых действий, а столбцы – войны между Сефевидским Ираном и Османской империей. Значение в ячейке равно 1, если в зоне были сражения, и 0, если не было.

	1514-1555	1578-1590	1603-1618	1623-1639	1723-1727	1730-1736	1743-1746	1775-1776	1821-1823
Южный Кавказ	1	1	1	1	1	1	1	0	1
Западный Иран	1	1	1	0	1	1	0	0	0
Месопотамия	1	0	0	1	0	1	1	1	1
Южный Дагестан	0	0	0	0	0	1	1	0	0

Табл. 1 – Матрица аффилиации зон боевых действий в ирано-турецких войнах

Далее составим матрицу смежности (табл. 2), где отразим связи между зонами боевых действий.

Если зоны были задействованы в одной войне, между ними будет связь (значение 1).

	Южный Кавказ	Западный Иран	Месопотамия	Южный Дагестан
Южный Кавказ	8	5	5	2
Западный Иран	5	5	2	1
Месопотамия	5	2	6	2
Южный Дагестан	2	1	2	2

Табл. 2 – Матрица смежности зон боевых действий

На основе матрицы смежности построим сетевой граф ирано-турецких войн (рис. 3), где узлы – зоны боевых действий, а ребра – связи между ними. Толщина ребра отражает степень

вовлеченности зон в идеологическое противостояние концепций Большого Ирана и Великого Турана. Граф также нанесен на карту (рис. 4).

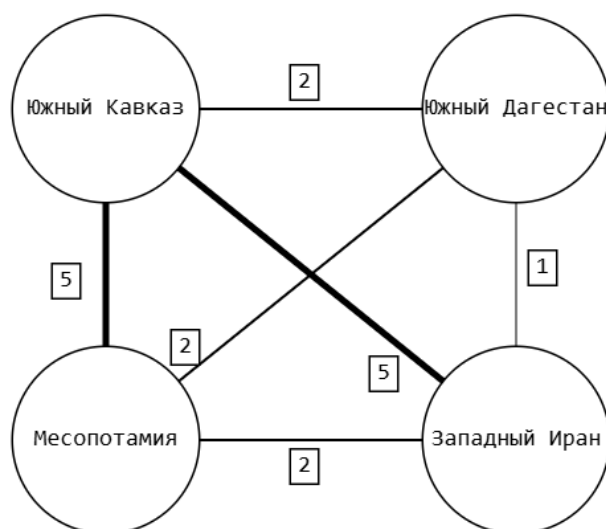

Рис. 3 – Сетевая модель ирано-турецких войн

Рис. 4. Графическое изображение ирано-турецких войн на карте как сети с узлами и связями

Локальный коэффициент кластеризации показывает, насколько связаны соседи узла, и для узла Южного Кавказа рассчитывается по формуле^[1]:

$$C_{ЮЗ} = \frac{2e_{ЮЗ}}{k_{ЮЗ}(k_{ЮЗ} - 1)}, \text{ где}$$

$C_{ЮЗ}$ - коэффициент кластеризации для узла ЮЗ (Южного Кавказа);

$e_{ЮЗ}$ - количество ребер между

соседями и узлом ЮЗ с учетом весов;
 $k_{ЮЗ}$ - количество соседей узла ЮЗ.

$$C_{ЮЗ} = \frac{2 \times 12}{3(3 - 1)} = \frac{24}{6} = 4$$

Коэффициент кластеризации для Западного Ирана составил 2,67; для Месопотамии – 3; для Дагестана – 0,83. Наибольший коэффициент кластеризации у Южного Кавказа

[1] Сморгун Л.В. Политические сети: Теория и методы анализа: Учебник для студентов вузов / Л.В. Сморгун, А.С. Шерстобитов. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2014. – С. 155-162.

подтверждает его центральную роль в противостоянии Ирана и Турции. Западный Иран и Месопотамия выполняли роль «посредников», формируя треугольную зону конфликта «Южный Кавказ – Западный Иран – Месопотамия».

$$C_{\text{глоб.}} = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n C_i, \text{ где}$$

Глобальный коэффициент кластеризации определяет, насколько сеть образует группы, и вычисляется как среднее значение локальных коэффициентов всех узлов:

n - общее количество узлов;

C_i - локальный коэффициент кластеризации каждого узла.

$$C_{\text{глоб.}} = \frac{4 + 3 + 2,67 + 0,83}{4} = \frac{10,5}{4} = 2,63$$

Результаты расчетов показывают взаимосвязанность боевых действий в разных регионах и их повторяемость, т. е. плотную сеть конфликтов между Ираном и Турцией. Южный Кавказ был ключевым узлом в борьбе за влияние и стратегической точкой пересечения торговых путей. Установленные закономерности отражают давнее противостояние в рамках концепций Большого Ирана и Великого Турана, которое продолжается и сегодня. С борьбой за контроль над Кавказом сочетались и продолжают сочетаться религиозные противоречия. После потери Южного Кавказа обеими державами и распада Османской империи конфликт продолжился на территориях, населенных курдами, и закрепил-

ся после Исламской революции 1979 г., когда Иран начал активно продвигать идеи исламской революции, а Турция – пантюркизм.

Иран и Турция рассматривают Южный Кавказ как стратегически важный регион. Возможность активно влиять на региональные процессы на Южном Кавказе позволяет Тегерану и Анкаре соответствовать нескольким признакам великих держав по Т.А. Шаклеиной^[1]. Оба государства значительно влияют на политику Армении и Азербайджана, опираются на исторический опыт Персидской и Османской империй, реализуют макрорегиональные проекты и действуют в регионе для укрепления позиций в Евразии.

Для Ирана и Турции Южный Кавказ важен с точки зрения торговли, экономики и национальной безопасности. Так, президент Ирана Х. Рухани подчеркивал ключевое значение Кавказа, особенно Азербайджана, для национальной безопасности Ирана^[2]. После распада СССР Иран и Турция первыми признали независимость Азербайджана, Армении и Грузии.

Иран стремится расширить влияние на Южном Кавказе ввиду исторической связи с Азербайджаном, а для Турции в свете ее растущей исламизации^[3] борьба с Ираном в регионе стала идефиксом. Радикальные элементы в Иране считают, что Азербайджан не имеет права на независимость, поскольку часть его исторической территории находится в Иране^[4]. Тегеран также опасается усиления позиций Баку и роста националистических настроений среди тюркоязычного населения Ирана в

[1] Шаклеина Т.А. Россия и США в полицентричном мире // Перспективы – 2011. – URL: <https://www.perspektivy.info/print.php?ID=75630&ysclid=m820y3zofo23158984> (дата обращения: 09.03.2025).

[2] Иран объявил Азербайджан зоной национальной безопасности // Эхо (Азербайджан). – 09.06.2001. – №150.

[3] Фадеева И.Л. Турция: противостояние исламизации и секуляризма // Россия и мусульманский мир. – 2010. – №1. – С. 137. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/turtsiya-protivostoyanie-islamizatsii-i-sekulyarizma> (дата обращения: 15.12.2024).

[4] Сажин В.И. Иранский Азербайджан - история и политика // Журнал Международная жизнь – 2021. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/32232> (дата обращения: 30.07.2025).

целом и его элит в частности^[1].

Иран и Турция проводят разную политику в отношении Южного Кавказа. Турция активно реализует концепцию Великого Турана, что сопровождается суннитизацией Азербайджана^[2], тогда как Иран придерживается более умеренного подхода, избегая продвижения своей модели шиитской теократии. Его внешняя политика, несмотря на видимую религиозность, остается прагматичной и ориентированной на национальные интересы. После смерти Р. Хомейни Иран смягчил идеологический курс, но суннитско-шиитская дихотомия все еще влияет на отношения между Ираном, Турцией и Азербайджаном. Баку тяготеет к Турции, а Иран выступает за территориальную целостность Армении, противостоя турецкому проекту Зангезурского коридора.

ВЫВОДЫ

Концепции Большого Ирана и Великого Турана стремятся к региональному доминированию, влияя на стратегические ориентиры и политическую риторику своих стран, при этом не являясь официальными внешнеполитическими стратегиями. Идеи имеют общие исторические корни и формируют идентичности через культурно-территориальное единство, но различаются в реализации.

В зороастрийской и персидской мифологии Иран и Туран символизировали противостоящие силы. Со временем Туран вошел в иранскую историческую традицию, а с возвышением тюркских династий стал ассоцииро-

ваться с тюркским миром. Иранская идентичность укрепилась при Сефевидах, сделавших шиитским ислам государственной религией. В XX в. концепции Большого Ирана и Великого Турана обрели националистическое звучание: первая предполагала расширение зоны влияния Ирана, а вторая стала основой не только национальной идентичности, но и территориальных амбиций.

Концепция Большого Ирана опирается на наследие Ираншахра как центра цивилизации, объединяющего разные этносы. Она возникла в ответ на внешние угрозы, в т. ч. пантюркизм, и изначально имела преимущественно оборонительный характер, основываясь на феномене персоязычной культуры.

Под персоязычной культурой понимается культурно-цивилизационный комплекс, основанный на использовании персидского языка (фарси, дари, таджикского и др.) в административном управлении, литературе и религии. Данный комплекс является надэтническим культурным пространством, в разные эпохи охватывавшим разные народы Ближнего Востока, Закавказья и Центральной Азии. Данная культура включает:

- персидский язык как язык поэзии, науки и государственного управления;
- классическую персидскую литературу (Фирдоуси, Руми, Хафиз, Саади и др.);
- административную модель, унаследованную от Сасанидов;
- философско-религиозные традиции зороастризма, шиизма и суфизма.

[1] Агазаде М.М. оглы. Азербайджано-иранские отношения после Второй карабахской войны: особенности и тенденции // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2023. – №4. – С. 722. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/azerbaydzhan-iranskie-otnosheniya-posle-vtoroy-karabahskoy-voyny-osobennosti-i-tendentsii> (дата обращения: 19.10.2024).

[2] Македонцев П. Карабах в тисках панисламизма: суннитизация Азербайджана и цугцванг России [Электронный ресурс] // EADaily – 2020. – URL: <https://easily.com/ru/news/2020/10/15/karabakh-v-tiskah-panislamizma-sunnitizaciya-azerbaydzhana-i-cugcvang-rossii>

Многие тюркоязычные и иные иранские народы были частью данного культурного пространства. В государствах тюркских и монгольских династий (Газневидов, Сельджуков, Караханидов и др.) персидский язык был языком элиты и придворной культуры, правители поддерживали персидскую литературу и искусство, а значительная часть культурного наследия создавалась персоязычными авторами. При этом в быту говорили преимущественно на тюркских языках, сохраняя свою культурную идентичность, не сводимую полностью к персоязычной традиции. Следует также отметить, что идея Турана как тюркского пространства сформировалась через переосмысление персоязычной культуры тюркскими династиями.

В современных условиях восприятие и реализация концепции Большого Ирана изменились. Хотя проект Великого Турана более экспансионистский, Иран также проявляет наступательность, стремясь укрепить влияние на Южном Кавказе, в Ираке, Сирии и Ливане, в т. ч. в рамках «Оси сопротивления», и активно работая с шиитскими общинами за рубежом.

Концепция Великого Турана ориентирована на этническое тюркское единство через общность языка, культуры и исторической памяти. Она имеет наступательный характер и продвигает территориальное объединение тюркских земель. В современной интерпретации это переос-

мысленный пантюркистский проект с цивилизационным содержанием, встроенный во внешнюю политику Турции, предполагающий культурную и институциональную интеграцию при сохранении цели политического объединения. Концепции Большого Ирана и Великого Турана основаны на разных принципах: первая – на культурно-религиозном, а вторая – на этническом и территориальном единстве. Идея Великого Турана носит более активный и экспансивный характер и озвучивается на официальном уровне, а идея Большого Ирана сохраняется в завуалированной форме из-за противоречий теократической идеологии.

Концепция Большого Ирана проявляется в культурной политике Тегерана через инициативы, направленные на региональное лидерство путем распространения иранской культуры, в т. ч. документ «Двадцатилетняя перспектива» (2005)^[1] и деятельность Организации по проблемам культуры и исламских связей^[2]. Идея Великого Турана ярко выражена в лозунге «Шесть государств – одна нация», озвученном Эрдоганом на саммите Организации тюркских государств (ОТГ) в 2019 г.^[3]. Помимо ОТГ, Турция инициировала создание ряда структур для тюркской интеграции и продвижения своих культурно-цивилизационных нарративов, в т. ч. Парламентской ассамблеи тюркоязычных стран (ТЮРКПА)^[4] и Организации по культуре и искусству тюркоязычных стран (TURKSOY)^[5]. В отличие

[1] Мохсен Резаи: Через двадцать лет Иран станет сильной и развитой страной // Иран.ру. – 2005. – URL: https://www.iran.ru/news/politics/36024/Mohsen_Rezai_Cherez_dvadcat_let (дата обращения: 20.04.2025).

[2] Организация культуры и исламских связей // iran1979.ru. – URL: <https://iran1979.ru/organizaciya-kultury-i-islamских-svyazej/> (дата обращения: 20.04.2025).

[3] Турки вспомнили о братских узах: чем грозит России Тюркский совет? // Аргументы и факты, 2021. – URL: https://aif.ru/politics/world/turki_vspomnili_o_bratskih_uzah_chem_grozit_rossii_tyurkskiy_sovet?ysclid=m9pqp2tn3819624139 (дата обращения: 20.04.2025).

[4] TURKPA – Parliamentary Assembly of Turkic States. Official website. – URL: <https://turkpa.org> (дата обращения: 20.04.2025).

[5] TURKSOY – International Organization of Turkic Culture. Official website. – URL: <https://www.turksoy.org/en-US> (дата обращения: 20.04.2025).

от данных организаций, официальные сайты которых доступны на всех языках государств-участников, сайт ОТГ как ведущей для тюркской интеграции функционирует только на турецком и английском языках. Официальные источники турецкого внешнеполитического ведомства включают тюркскую интеграцию в стратегию «Века Турции», отмечая, что успешность инициативы ОТГ вызвала «восторг в тюркском мире»^[1]. Идея Великого Турана реализуется через механизмы регионального взаимодействия, где Анкара играет главную роль.

Анализ историко-культурных предпосылок формирования и развития данных концепций во взаимодействии друг с другом позволяет выявить идеологические мотивы внешней политики Ирана и Турции на Южном Кавказе. Их идеологическое соперничество основано на различиях в культурно-религиозных идентичностях, а также отражает борьбу за контроль над торговыми путями и геополитическое влияние.

Южный Кавказ был ареной противостояния между оседлыми империями Ирана и кочевыми тюркскими государствами, а позже – многовековых войн между Сефевидским Ираном и Османской империей, чему способствовала сефевидская «шиитизация» Ирана. Важным эле-

ментом противостояния между Ираном и Турцией сегодня остаются культурно-религиозные факторы, как видно на примере конфессиональных изменений в Азербайджане. Шиитско-суннитская дихотомия усиливает соперничество между Тегераном и Анкарой, т. к. важна для легитимации регионального лидерства. Мифологическое противостояние Ирана и Турана в поэме «Шахнаме» также продолжает влиять на восприятие геополитики, идентичности и внешнеполитической стратегии.

Сетевой анализ военных конфликтов между Ираном и Турцией показал, что Южный Кавказ играл ключевую роль в их историческом противостоянии, являясь узлом с высокой плотностью военных столкновений. Регион олицетворяет борьбу между концепциями Большого Ирана и Великого Турана. Западный Иран и Месопотамия играли роль «посредников», а треугольная конфигурация области противостояния отражала многофронтность войн в XVI-XIX вв. Высокий коэффициент кластеризации сети подчеркивает взаимосвязанность зон боевых действий, а стратегическое значение Южного Кавказа сохраняет актуальность для ирано-турецкого противостояния.

[1] Министерство иностранных дел Турецкой Республики. Национальная внешняя политика в «Век Турции» // mfa.gov.tr. – URL: <https://www.mfa.gov.tr/synopsis-of-the-turkish-foreign-policy-ru.ru.mfa> (дата обращения: 20.04.2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аватков В.А. Турция и Азербайджан: одна нация – одно государство? Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66, № 2. – С. 90-100. – <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-2-90-100> (дата обращения: 09.03.2025).

2. Аватков В.А., Касьяненко А.В. Военно-политические отношения на Южном Кавказе в контексте треугольника «Россия-Турция-Иран» // Мировая политика. – 2021. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voenno-politicheskie-otnosheniya-na-yuzhnom-kavkaze-v-kontekste-treugolnika-rossiya-turtsiya-iran> (дата обращения: 19.10.2024).
3. Агазаде М.М. оглы. Азербайджано-иранские отношения после Второй карабахской войны: особенности и тенденции // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2023. – №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/azerbaydzhano-iranskie-otnosheniya-posle-vtoroy-karabahskoy-voyny-osobennosti-i-tendentsii> (дата обращения: 19.10.2024).
4. Алексеева Т.А. Мыслить конструктивистски: открывая многоголосый мир // Сравнительная политика. – 2014. – №1 (14). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/myslit-konstruktivistски-otkryvaya-mnogogolosyy-mir> (дата обращения: 18.10.2024).
5. Алонцев М.А. Иранистика в Евразии: прошлое, настоящее, будущее / М.А. Алонцев, К.Х. Идрисов, М.С. Каменева. – М.: РГГУ, 2018. – 140 с.
6. Амбарян Г.Л. Деятельность международных террористических организаций в Азербайджане // Центр поддержки русско-армянских стратегических и общественных инициатив. – URL: <https://russia-armenia.info/node/26833> (дата обращения: 29.07.2025).
7. Буря на Кавказе / Д. Барри, Г.М. Дерлугьян, А.М. Искандарян, М. Казалет, А.В. Лавров, К.В. Макиенко, С.М. Маркедонов, Л.А. Нерсисян, Р.Н. Пухов, Д.В. Треннин, К. Хас, М.Ю. Шеповаленко; под ред. Р.Н. Пухова. – М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2021. – 128 с.
8. Вахланг Дж. Индия на Южном Кавказе: значение для России, Ирана и Турции / Дж. Вахланг, С.Г. Мелконян // РСМД. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indiya-na-yuzhnom-kavkaze-znachenie-dlya-rossii-irana-i-turtsii/> (дата обращения: 02.01.2025).
9. Гасанова Э.Ю. Идеология буржуазного национализма в Турции в период младотурок. (1908-1914 гг.) / АН АзССР. Ин-т народов Ближнего и Сред. Востока. – Баку: Изд-во АН АзССР, 1966. – 162 с.
10. Гумилев Л.Н. Туран и Иран / Тысячелетие вокруг Каспия – М.: Айрис-пресс, 2008. – 384 с. – URL: <https://hagahan-lib.ru/library/tysyacheletie-vokrug-kaspiya15.html> (дата обращения: 20.04.2025).
11. Де Ваал Т. Черный сад. Армения и Азербайджан между миром и войной. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2014. – 392 с.
12. Денисова С. Серые волки. Турецкие экстремистские организации // Российский совет по международным делам. – URL: <https://russiancouncil.ru/turkeyextremists-greywolves> (дата обращения: 29.07.2025).
13. Жигалина О.И. Этносоциальная эволюция иранского общества. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. – 264 с.
14. Жигульская Д.В. «Турецкий идеал» в философии Зии Гёкальпа // Идеи и идеалы. – 2021. – №2-2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/turetskiy-ideal-v-filosofii-zii-gyokalpa> (дата обращения: 09.03.2025).
15. Замани А. Фарр в «Шахнаме» Абулькасима Фирдоуси: автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / Акил Замани; [Место защиты: Тадж. нац. ун-т]. – Душанбе, 2014. – 22 с.

16. Имгрунт Е.В. Ирано-турецкие конфликты в XVI–XVIII веках / Е.В. Имгрунт // Молодой ученый. – 2014. – № 20 (79). – С. 519–521. – URL: <https://moluch.ru/archive/79/14062/> (дата обращения: 18.10.2024).
17. Каменева М.С. О трансформации понятия «культура» в Исламской Республике Иран // Россия и мусульманский мир. – 2015. – №3 (273). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-transformatsii-ponyatiya-kultura-v-islamskoj-respublike-iran> (дата обращения: 18.10.2024).
18. Ал-Кашгари М. Диван Лугат ат-Турк / Перевод, предисловие и комментарии З.-А. М. Ауэзовой. Индексы составлены Р. Эрмерсом. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 1288 с.
19. Кожанов Н.А., Богачёва А.С. Исламская Республика Иран в поиске своего внешнеполитического «я»: революционное новаторство или преемственность? // Вестник МГИМО. – 2020. – №2(71). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskaya-respublika-iran-v-poiske-svoego-vneshnepoliticheskogo-ya-revoljutsionnoe-novatorstvo-ili-preemstvennost> (дата обращения: 18.10.2024).
20. Лямин Ю.Ю. Персидский бастион / Под редакцией Ю.Ю. Лямина, Р.Н. Пухова. – М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2019. – 320 с.
21. Мавашев Ю.Ю. «Новая Турция»: между Атаатюрком и Эрдоганом. Монография (18+) / Кавказский геополитический клуб. – М.: Издатель А.В. Воробьев, 2024. – 308 с.
22. Маркедонов С.М. Слом статус-кво и международное измерение кризиса в Нагорном Карабахе. Доклад международного дискуссионного клуба Валдай. – М., 2020. – 23 с. (в соавторстве с В. Каледжи и К. Хасом). – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/slom-status-kvo-karabakh/> (дата обращения: 18.10.2024).
23. Матюхин В.В. Доминирование Партии справедливости и развития в турецком политическом процессе: идеологический аспект // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2016. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dominirovanie-partii-spravedlivosti-i-razvitiya-v-turetskom-politicheskom-protssesse-ideologicheskij-aspekt> (дата обращения: 29.07.2025).
24. Рак И.В. Зороастрийская мифология. – СПб.: Журнал «Нева»; Летний сад, 1998. – 560 с.
25. Савинов Л.В. Национальный вопрос в Турции / Л.В. Савинов // Федерализм. – 2012. – № 2(66). – С. 135–146.
26. Сажин В.И. Иранский Азербайджан – история и политика // Журнал Международная жизнь – 2021. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/32232> (дата обращения: 30.07.2025).
27. Сатановский Е.Я. Турция между Россией и Западом. Мировая политика как она есть без толерантности и цензуры / Е.Я. Сатановский, И.И. Стародубцев. – М.: Эксмо, 2023. – 288 с.
28. Сморгунов Л.В. Политические сети: Теория и методы анализа: Учебник для студентов вузов / Л.В. Сморгунов, А.С. Шерстобитов. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2014. – 320 с.
29. Турецкий маршрут / Йешильташ М., Караташ Х., Каширин В.Б. и др. / под ред. Р.Н. Пухова. – М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2024. – 220 с.

30. Фадеева И.Л. Турция: противостояние исламизации и секуляризма // Россия и мусульманский мир. – 2010. – №1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/turtsiya-protivostoyanie-islamizatsii-i-sekulyarizma> (дата обращения: 15.12.2024).
31. Фрай Р. Наследие Ирана / Под ред. и с предисл. М.А. Дандамаева; Пер. с англ. В.А. Лившица и Е.В. Зеймаля. – М.: Восточная литература, 2002. – 463 с.
32. Хомяков А.С. Царство Парфянское / Полное собрание сочинений: в 8 т. – Т.6. – М.: Университетская типография, 1904. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Homyakov/polnoe-sobranie-sochinenij-tom-6/ (дата обращения: 20.04.2025).
33. Шаклеина Т.А. Россия и США в полицентричном мире // Перспективы – 22.01.2011. – URL: <https://www.perspektivy.info/print.php?ID=75630&ysclid=m820y3zofo23158984> (дата обращения: 09.03.2025).
34. Эргашев А.С., Гришин О.Е. Образовательная политика Турции в Центральной Азии. Проблемы постсоветского пространства. – 2022. – 9(3). – С.19-326. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-3-319-326> (дата обращения: 09.03.2025).
35. Afshar Yazdi M. Afghan Letter // Volume 3, Tehran Printing, 160 Solar. – p. 405-49.
36. Atabaki T. Recasting Oneself, Rejecting the Other: Pan-Turkism and Iranian Nationalism / Van Schendel, W. (Editor). / Identity Politics in Central Asia and the Muslim World: Nationalism, Ethnicity and Labour in the Twentieth Century. – London, GBR: I.B. Tauris & Company, Limited, 2001. – 244 pp.
37. Dhalla M.N. Zoroastrian civilization: from the earliest times to the downfall of the last Zoroastrian empire, 651 A.D. / New York : Oxford University Press // Pp. 5-6. – 1922. – URL: <https://archive.org/details/zoroastriancivi00dhalgoog/mode/2up> (accessed on 08.03.2025).
38. Gignoux Ph. ANĒRĀN / Encyclopædia Iranica, II/1. – pp. 30-31. – URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/aneran> (accessed on 08.03.2025).
39. Hajib Y. Wisdom of Royal Glory (Kutadgu Bilig): A Turko-Islamic Mirror for Princes / translated, with an introduction and notes, by R. Dankoff. – University of Chicago Press, 1983. – pp. 281
40. Heyd U. Foundations of Turkish nationalism: the life and teachings of Ziya Gökalp. – London, 1950: Luzac and the Harvill Press. – P. 50. – URL: <https://archive.org/details/foundationofturk0000unse/mode/2up> (accessed on 09.03.2025).
41. Murinson A. Turkey's Entente with Israel and Azerbaijan: State Identity and Security in the Middle East and Caucasus. – London: Routledge, 2010. – 240 p.
42. Parla T. The Social and Political Thought of Ziya Gökalp: 1876–1924. – Leiden: E.J. Brill, 1985. – P.7.
43. Singh B. Separatism in Xinjiang: Between Local Problems and International Jihad? / Institute of Peace and Conflict Studies. – 2012. – URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep09357> (accessed on 29.07.2025).
44. Wendt A. Anarchy is what States Make of it: The Social Construction of Power Politics / International Organization. – 46(2). – pp. 391-425. – URL: <http://www.jstor.org/stable/2706858> (accessed on 18.10.2024).
45. Yilmaz H. Caliphate Redefined: The Mystical Turn in Ottoman Political Thought. – Princeton Univ. Press, 2018. – URL: https://www.academia.edu/35889898/Caliphate_Redefined_The_Mystical_Turn_in_Ottoman_Political_Thought (accessed on 18.10.2024).

46. Zia-Ebrahimi, R. *The Emergence of Iranian Nationalism: Race and the Politics of Dislocation*. – New York: Columbia University Press, 2016. – 306 p.
47. Zonis M. *The Political Elite of Iran* / Princeton Univ. Press // Internet Archive. – 1971. – P. 121. – URL: <https://archive.org/details/politicaeliteof0000zoni> (accessed on 18.10.2024).
48. Sarıınay Y. *Türk milleti ve Turan* // *Türk Yurdu*. – 1994. – 6(2). – S. 181–185.
49. Zülfikar H. *Fark Edilmeyen Türkçedeki Oldubittiller* // *Türk Dili* – 2014. URL: <https://tdk.gov.tr/wp-content/uploads/2014/01/20140108.pdf> (дата обращения: 20.04.2025)
50. Sheikh al-Eslami J. *Be yād-e bonyāngoẓār-e Āyande* // *Majalle-ye Āyande – Sāl-e noh, shomāre-ye Dey va Bahman 1362*. – 1984. – S. 717–725.
51. Torkaman M. *Namehā-ye Doctor Mosaddeq* / Chap-e aval. – Tehran: Nashr-e Hezārān, 1995. – S. 36.

REFERENCES

1. Avatkov V.A. *Turtsiya i Azerbaijan: odna natsiya – odno gosudarstvo?* [Türkiye and Azerbaijan: One Nation – One State?] // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. – 2022. – Vol. 66, №2. – pp. 90–100. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-2-90-100> (accessed: 09.03.2025).
2. Avatkov V.A., Kas'yanenko A.V. *Voenno-politicheskiye otnosheniya na Yuzhnom Kavkaze v kontekste treugol'nika «Rossiya-Turtsiya-Iran»* [Military-Political Relations in the South Caucasus in the Context of the «Russia-Türkiye-Iran» Triangle] // *Mirovaya politika*. – 2021. – No.3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voenno-politicheskie-otnosheniya-na-yuzhnom-kavkaze-v-kontekste-treugolnika-rossiya-turtsiya-iran> (accessed: 19.10.2024).
3. Agazade M.M. *ogly. Azerbaidzhano-iranskije otnosheniya posle Vtoroj karabakhskoi voyny: osobennosti i tendentsii* [Azerbaijan-Iran Relations After the Second Karabakh War: Features and Trends] // *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*. – 2023. – No.4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/azerbaydzhan-iranskije-otnosheniya-posle-vtoroy-karabahskoy-voyny-osobennosti-i-tendentsii> (accessed: 19.10.2024).
4. Alekseeva T.A. *Myslit' konstruktivistski: otkryvaya mnogogolosyj mir* [Thinking Constructivist: Opening a Polyphonic World] // *Sravnitel'naya politika*. – 2014. – No.1 (14). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/myslit-konstruktivistski-otkryvaya-mnogogolosyy-mir> (accessed: 18.10.2024).
5. Alontsev M.A. *Iranistika v Evrazii: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Iranian Studies in Eurasia: Past, Present, Future] / M.A. Alontsev, K.Kh. Idrisov, M.S. Kameneva. – Moscow: RGGU, 2018. – 140 p.
6. Hambaryan G.L. *Deyatel'nost' mezhdunarodnykh terroristicheskikh organizatsiy v Azerbaydzhanе* [Activities of International Terrorist Organizations in Azerbaijan] // *Tsentr podderzhki russko-armyanskikh strategicheskikh i obshchestvennykh initsiativ* – 2016. – URL: <https://russia-armenia.info/node/26833> (accessed: 29.07.2025).

7. Burya na Kavkaze [Storm in the Caucasus] / D. Barry, G.M. Derluguian, A.M. Iskandaryan, M. Cazalet, A.V. Lavrov, K.V. Makiyenko, S.M. Markedonov, L.A. Nersisyan, R.N. Pukhov, D.V. Trenin, K. Khas, M.Y. Shepovalenko; edited by R.N. Pukhov. — Moscow: Tsentr analiza strategij i technologij, 2021 — 128 p.
8. Vakhlang J. Indiya na Yuzhnom Kavkaze: znachenie dlya Rossii, Irana i Turtsii [India in the South Caucasus: Significance for Russia, Iran, and Türkiye] / J. Vakhlang, S.G. Melkonyan. — RSMU, 2024. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indiya-na-yuzhnom-kavkaze-znachenie-dlya-rossii-irana-i-turtsii/> (дата обращения: 02.01.2025)
9. Gasanova E.Y. Ideologiya burzhuznogo natsionalizma v Turtsii v period mladoturok. (1908-1914 gg.) [The Ideology of Bourgeois Nationalism in Türkiye During the Young Turks Period (1908-1914)] / Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR. Institute of Peoples of the Middle East. — Baku : Izdatelstvo AN AzSSR, 1966. — 162 p.
10. Gumilyov L.N. Turan i Iran / Tysyacheletie vokrug Kaspiya [Turan and Iran / Millenium Around the Caspian] // Moscow: Ayris-Press, 2008. — 384 p. — URL: <https://hagahan-lib.ru/library/tysyacheletie-vokrug-kaspiya15.html> (accessed: 20.04.2025).
11. De Waal T. Cherny`j sad. Armeniya i Azerbaidzhan mezhdurazmiem i voynoi [Black Garden: Armenia and Azerbaijan Through Peace and War] / Moscow: Rossijskaya politicheskaya e`ntsiklopediya, 2014. — 392 p.
12. Denisova S. Seriya volki. Turetskie ekstremistskie organizatsii [Grey Wolves: Turkish Extremist Organizations] // Russian International Affairs Council (RIAC). — URL: <https://russiancouncil.ru/turkeyextremists-greywolves> (accessed: 29.07.2025).
13. Zhigalina O.I. Etnosotsial'naya evolyutsiya iranskogo obshchestva [Ethnosocial Evolution of Iranian Society]. — Moscow: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 1996. — 264 p.
14. Zhigul'skaya D.V. «Turetskiy ideal» v filosofii Zii Gyokalpa [«The Turkish Ideal» in the Philosophy of Ziya Gökalp] // Idei i idealy. — 2021. — №2-2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/turetskiy-ideal-v-filosofii-zii-gyokalpa> (accessed: 09.03.2025).
15. Zamani A. Farr v «Shakhname» Abulkasima Firdousi: avtoreferat dis. kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.03 [Farr in Shahnameh by Abulqasim Ferdowsi] / Akil Zamani. — [Mesto zashchity: Tadzhiksky natsionalny universitet]. — Dushanbe, 2014. — 22 p.
16. Imgrunt E.V. Irano-turetskiye konflikty v XVI–XVIII vekah [Iranian-Turkish Conflicts in the 16th–18th Centuries] / E.V. Imgrunt. — Text: Direct // Molodoyucheny. — 2014. — No. 20(79). — pp. 519-521. — URL: <https://moluch.ru/archive/79/14062/> (accessed on 18.10.2024).
17. Kameneva M.S. O transformatsii ponyatiya «kul'tura» v Islamskoy Respublike Iran [On the Transformation of the Concept of «Culture» in the Islamic Republic of Iran] // Rossiya i musul'manskiy mir. — 2015. — No. 3(273). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-transformatsii-ponyatiya-kultura-v-islamskoy-respublike-iran> (accessed on 18.10.2024).

18. Al-Kashgari M. *Diwān Lughāt al-Turk* [Compendium of the Languages of the Turks] / Translated, with introduction and commentary by Z.-A. Auezova; indexes compiled by R. Ermers. – Almaty: Daik-Press, 2005. – 1288 p.
19. Kozhanov N.A. *Islamskaya Respublika Iran v poiske svoego vneshnepoliticheskogo «ya»: revolyutsionnoe novatorstvo ili preemstvennost'?* [The Islamic Republic of Iran in Search of its Foreign Policy Identity: Revolutionary Innovation or Continuity?] / N.A. Kozhanov, A.S. Bogacheva // *Vestnik MGIMO*. – 2020. – No. 2(71). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskaya-respublika-iran-v-poiske-svoego-vneshnepoliticheskogo-ya-revolyutsionnoe-novatorstvo-ili-preemstvennost> (accessed on 18.10.2024).
20. Lyamin Y.Y. *Persidskiy bastion* [The Persian Bastion] / Edited by Y.Y. Lyamin, R.N. Pukhov. – Moscow: Tsentr analiza strategij i technologij, 2019. – 320 p.
21. Mavashev Y.Y. «Novaya Turtsiya»: mezhdunarodnyy aspekt [«New Türkiye»: Between Atatürk and Erdoğan. Monograph (18+)] / Kavkazskiy geopoliticheskiy klub. – Moscow: Izdatel' A.V. Vorob'ev, 2024. – 308 p.
22. Markedonov S.M. *Slom status-kvo i mezhdunarodnoye izmereniye krizisa v Nagornom Karabakhe* [The Breakdown of the Status Quo and the International Dimension of the Crisis in Nagorno-Karabakh]. *Doklad mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba Valday*. – Moscow, 2020. November. – 23 p. (co-authored with V. Kaledzhi and K. Khas). – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/slom-status-kvo-karabakh/> (accessed on 18.10.2024).
23. Matyukhin V.V. *Dominirovanie Partii spravedlivosti i razvitiya v turetskom politicheskom protsesse: ideologicheskiy aspekt* [The Dominance of the Justice and Development Party in the Turkish Political Process: The Ideological Aspect] // *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya*. – 2016. – №2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dominirovanie-partii-spravedlivosti-i-razvitiya-v-turetskom-politicheskom-protsesse-ideologicheskiy-aspekt> (accessed: 29.07.2025).
24. Rak I.V. *Zoroastriyskaya mifologiya* [Zoroastrian Mythology]. – St. Petersburg: Zhurnal «Neva»; Letniy sad, 1998. – 560 p.
25. Savinov L.V. *Natsional'nyy vopros v Turtsii* [The National Question in Türkiye] / L.V. Savinov // *Federalism*. – 2012. – № 2(66). – pp. 135-146.
26. Sazhin V.I. *Iranskiy Azerbaidzhan – istoriya i politika* [Iranian Azerbaijan: History and Politics] // *Zhurnal Mezhdunarodnaya zhizn'* – 2021. – URL: <https://interaffairs.ru/news/show/32232>
27. Satanovskiy E.Y. *Turtsiya mezhdunarodnyy aspekt* [Türkiye Between Russia and the West. World Politics as It Is, Without Tolerance and Censorship] / E.Y. Satanovskiy, I.I. Starodubtsev. – Moscow: E'ksmo, 2023. – 288 p.
28. Smorgunov L.V. *Politicheskiye seti: Teoriya i metody analiza: Uchebnik dlya studentov vuzov* [Political Networks: Theory and Methods of Analysis: A Textbook for University Students] / L.V. Smorgunov, A.S. Sherstobitov. – Moscow: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2014. – 320 p.
29. *Turetskiy marshrut* [The Turkish Route] / M. Yesiltas, H. Karatas, V.B. Kashirin, et al.; edited by R.N. Pukhov. – Moscow: Tsentr analiza strategij i technologij, 2024. – 220 p.

30. Fadeeva I.L. Turtsiya: protivostoyanie islamizatsii i sekulyarizma [Türkiye: The Confrontation between Islamization and Secularism] // Rossiya i musul'manskiy mir. – 2010. – No. 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/turtsiya-protivostoyanie-islamizatsii-i-sekulyarizma> (accessed on 15.12.2024).
31. Frye R. Naslediye Irana [The Heritage of Persia] / Edited and with an Introduction by M.A. Dandamaev; Translated from English by V.A. Livshits and E.V. Zeimal. – Moscow: Vostochnaya literatura, 2002. – 463 p.
32. Khomyakov A.S. Tsarstvo Parfiyanskoeye / Polnoe sobranie sochineniy: v 8 t. T. 6 [The Parthian Kingdom / Complete Works: Vol. 6] // Universitetskaya tipografiya, 1904. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksej_Homyakov/polnoe-sobranie-sochinenij-tom-6/ (accessed: 20.04.2025).
33. Shakleina T.A. Rossiya i SShA v politsentrichnom mire [Russia and the USA in a Polycentric World] // Perspektivy. – 2011. – URL: <https://www.perspektivy.info/print.php?ID=75630&sysclid=m820y3zofo23158984> (accessed: 09.03.2025).
34. Ergashev A.S., Grishin O.Y. Obrazovatel'naya politika Turtsii v Tsentral'noy Azii [Educational Policy of Türkiye in Central Asia] // Problemy postsovetского porstranstva. – 2022. – 9(3). – pp. 319-326. – <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-3-319-326> (accessed: 09.03.2025).
35. Afshar Yazdi M. Afghan Letter // Volume 3, Tehran Printing, 160 Solar. – P. 405-49.
36. Atabaki T. Recasting Oneself, Rejecting the Other: Pan-Turkism and Iranian Nationalism / Van Schendel, W. (Editor). / Identity Politics in Central Asia and the Muslim World: Nationalism, Ethnicity and Labour in the Twentieth Century. – London, GBR: I.B. Tauris & Company, Limited, 2001.
37. Dhalla M.N. Zoroastrian civilization: from the earliest times to the downfall of the last Zoroastrian empire, 651 A.D. – New York: Oxford University Press, 1922. – pp. 5-6. – URL: <https://archive.org/details/zoroastriancivi00dhalgoog/mode/2up> (accessed on 08.03.2025).
38. Gignoux Ph. ANĒRĀN / Encyclopædia Iranica // II/1. – pp. 30-31. – URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/aneran> (accessed on 08.03.2025).
39. Hajib Y. Wisdom of Royal Glory (Kutadgu Bilig): A Turko-Islamic Mirror for Princes / translated, with an introduction and notes, by R. Dankoff // University of Chicago Press, 1983. – pp. 281
40. Heyd U. Foundations of Turkish nationalism: the life and teachings of Ziya Gökalp / London : Luzac and the Harvill Press, 1950. – P. 50. – URL: <https://archive.org/details/foundationofturk0000unse/mode/2up> (accessed on 09.03.2025).
41. Murinson A. Turkey's Entente with Israel and Azerbaijan: State Identity and Security in the Middle East and Caucasus. – London : Routledge, 2010. – 240 p.
42. Parla T. The Social and Political Thought of Ziya Gökalp: 1876–1924. – Leiden: E.J. Brill, 1985. – P.7.
43. Singh B. Separatism in Xinjiang: Between Local Problems and International Jihad? / Institute of Peace and Conflict Studies. – 2012. – URL: <http://www.jstor.org/stable/resrep09357> (accessed on 29.07.2025).
44. Wendt A. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics / International Organization. – Vol. 46. – No. 2. – pp. 391-425. – URL: <http://www.jstor.org/stable/2706858> (accessed on 18.10.2024).

45. Yılmaz H. Caliphate Redefined: The Mystical Turn in Ottoman Political Thought / Princeton Univ. Press // Academia.edu. – 2018. – URL: https://www.academia.edu/35889898/Caliphate_Redefined_The_Mystical_Turn_in_Ottoman_Political_Thought (accessed on 18.10.2024).
46. Zia-Ebrahimi, R. The Emergence of Iranian Nationalism: Race and the Politics of Dislocation. – New York: Columbia University Press, 2016. – 306 p.
47. Zonis M. The Political Elite of Iran / Princeton Univ. Press // Internet Archive. – 1971. – p. 121. – URL: <https://archive.org/details/politicaeliteof0000zoni> (accessed on 18.10.2024).
48. Sarımay Y. Türk milleti ve Turan / [Turkish Nation and Turan] // Türk Yurdu 6. – İstanbul: Ötüken, 1994. – N 2. – S. 181–185.
49. Zülfikar H. Fark Edilmeyen Türkçedeki Oldubittiler / [Unnoticed facts accomplished in the Turkish Language] // Türk Dili – 2014. – URL: <https://tdk.gov.tr/wp-content/uploads/2014/01/20140108.pdf> (accessed: 20.04.2025)
50. Sheikh al-Eslami J. Be yād-e bonyāngoẓār-e Āyande [In Memory of the Founder of Āyande Journal] // Majalle-ye Āyande – Sāl-e noh, shomāre-ye Dey va Bahman, 1984. – ss. 717–725.
51. Torkaman M. Namehā-ye Doctor Mosaddeq / [Letters of Dr. Mosaddeq]. / Chap-e aval. // Tehran: Nashr-e Hezārān, 1995. – S. 36.